

АМАЛИЯ ЛОНГ

ОБЪЕДАН
НЕ ПОД
ПРАВИ АМЕРИ
САНИИ

ОБЪЕДКИ ~ для декана ~ ПРИВЕРЕДЫ

ПЛОХОЙ АППЕТИТ, ДЕКАНЫ МЫ ЭТО ИСПРАВИМ!

Амалия Лонг

Объедки для Декана-привереда

<https://litres.ru/74320444>

Аннотация

«Объедки для декана-привереда, или Как я открыла подпольную кухню и случайно вышла замуж»

****БЕСПЛАТНО ДО ЗАВЕРШЕНИЯ****

Меня звали Айза, и я была шеф-поваром. Двадцать лет у плиты, 98 кг кулинарной мощи и собственный ученик, который угостил меня рыбой фугу. Вместо смерти я очнулась в чужом грязном теле, с клеймом «объедок» на запястье, в подвале Академии драконов. ♀#

Правила местной кухни просты: - Отходы перерабатывай. # - Налог на мусор плати. - С магией еды не шути. ☆☆ - А если ты объедок — молись, чтобы тебя не скормили студентам.

Мой план выживания: открыть подпольный ресторан из отбросов. Бизнес-партнёр — наглый говорящий кот Уголёк с горящими глазами и привычкой оставлять от врагов один уголёк. Инвестор и главная головная боль — декан Альтаир, холодный дракон-привереда, который называет меня «ошибкой системы», но тайком приходит на помойку за моей похлёбкой. ♥#

Добавьте сюда бывшую колдунью с модельной внешностью и гнилой душой , любовный треугольник с тёмным драконом-поваром , проклятие «полюбишь обьедка — умрёшь» ∅#, налоговую инспекцию, которая выписывает фискальные чеки на магию , и случайную беременность.

Итог: бизнес из мусора, муж-дракон, трое котят, налоговые льготы и дочь, которая чихает розовыми искрами.

Это история о том, как стать королевой помойки, не прогореть на налогах и случайно спасти академию. С юмором, бытовым фэнтези и медленным сжиганием в стиле ромком.

Содержание

Глава 1. Меня зовут Обьедок	6
Глава 2. Чих в котёл	12
Глава 3. Кот в мешке	19
Визуал. Встреча с Угольком	28
Глава 4. Мы открываем бизнес, мы будем делать бабки	29
Глава 5. Декан-привереда	39
Глава 6. Тайная похлёбка	47
Глава 7. Налоговый жмёт	57
Глава 8. Салфетка	67
Глава 9. Пять монет за суп	73
Визуал главы 9.	85
Глава 10. ИП «Обьедок и партнёры»	86
Глава 11. Совет директоров	94
Глава 12. Клиенты из тени	100
Глава 13. Красавчик сверху	105
Визуал главы 13.	112
Глава 14. Чихать на начальство!	113
Глава 15. Пронесло!	121
Глава 16. Аукцион имени кота	131
Глава 17. Ревность с перчинкой	141
Глава 18. Королева мяса	148
Глава 19. Кассандра за углом	154

Глава 1. Меня зовут Обьедок

Эй, обьедок!

Удар пришёлся в скулу, и я отлетела к стене.

— Эй, обьедок! — голос резанул по ушам, как нож по жести. — Я кому сказала — вставай!

Я не успела открыть глаза — вторая пощёчина прилетела в плечо, третья — в грудь, четвёртая — снова в лицо. Меня трясли за шиворот, как тряпку, и какой-то частью сознания я понимала: это не сон. Это слишком больно для сна.

— Да очнись ты, пададь!

Я с трудом разлепила веки и увидела женщину. Плотную, с острыми скулами и маленькими жёлтыми глазами, которые смотрели на меня так, будто я была тараканом в её супе. На ней был белый колпак и заляпанный фартук. От неё пахло луком, уксусом и чем-то металлическим.

— Твоё имя, обьедок! — рывкнула она.

Я попыталась сглотнуть, но во рту пересохло настолько, что язык прилип к нёбу. Тело не слушалось — желудок скручивало от голода, голова кружилась, а каждый вдох отдавался болью в рёбрах.

— Я... Айза, — выдавила я.

Женщина замерла. Её жёлтые глаза сузились. Потом она расхохоталась — громко, раскатисто, но в этом смехе не было ни капли веселья.

— Слышали, объедки? — она обернулась к темноте, где маячили чьи-то тени. — Эта крыса думает, что у неё есть имя!

Кто-то хихикнул. Кто-то испуганно засопел.

— У тебя нет имени, — женщина ткнула пальцем мне в лоб. — Ты — объедок. Поняла? Отброс. Мусор. Тот, кого забыли сожрать драконы. Имя своё ты проиграла в тот день, когда получила клеймо.

— Какое клеймо? — прошептала я.

— Ах ты, совсем с голодухи рассудка лишилась? — женщина схватила меня за запястье и поднесла к тусклому свету масляной лампы. — Вот это клеймо. Читай, раз грамотная.

На моём запястье горели чёрные буквы. «*Объедок*». Без вилок, без корон, без украшений. Как тавро на скотине. Буквы были вдавлены в кожу, края воспалены, но уже старые — это тело носило метку давно.

— Видишь? — женщина отпустила мою руку, и та бесильно упала на грязный пол. — Ты — не Айза. Ты — объедок. И если ты ещё раз назовёшь себя по имени, я лично отправлю тебя обратно в подвал. На этот раз без возврата.

Она выпрямилась.

— А теперь — вставай. Третий котёл ждёт. Если к вечеру не отмоешь — пойдёшь на корм драконам. И учти: ты и так неделю без еды и воды просидела. За ложку, которую облизнула на верхней кухне. Семь дней. Выжила? Выжила. Теперь работай.

Она развернулась и ушла. Сапоги стучали по каменному полу, как приговор.

Я осталась лежать, глядя в потолок.

Семь дней без еды и воды. Вот почему это тело — моё новое тело — чувствовало себя так, будто его выжали, высушили и забыли в тёмном углу. Вот почему во рту пересохло, вот почему голова кружилась, а каждый вдох отдавался болью.

Я с трудом приподнялась на локтях и оглядела себя.

Руки чужие — тонкие, грязные, с чёрной каймой под ногтями. На ладонях ни одной мозоли. У меня, шеф-повара с двадцатилетним стажем, руки были как подошва ботинка — в шрамах, ожогах и мозолях. Эти руки ничего не помнили. Они были чистыми. Нет, не чистыми — грязными, но той грязью, которую можно смыть. За ними не стояла работа.

Я провела ладонью по животу. Плоский. Твёрдый. Никакого привычного валика жира, который я ненавидела и одновременно принимала, потому что он был моим. Теперь под робой — впалые бока, выпирающие рёбра, острые тазовые кости. Это тело было худым до болезненности. Истощённым.

Я перевела взгляд на руки, ноги — длинные, как у цапли. Я была высокой. Наверное, сантиметров на десять выше своего обычного роста. И легче килограммов на тридцать.

Чужое тело. Чужое тело. Чужая жизнь. Чужое клеймо.

Я села, зажмурилась, переживая головокружение. Потом открыла глаза и впервые по-настоящему увидела, где нахо-

жусь.

Подвал. Каменные стены в чёрных разводах. Масляные площадки давали тусклый зелёный свет, в углах копилась плесень. Повсюду валялись очистки, корки, какие-то подозрительные кости. Огромные котлы, с которых капала застывшая жижа. Запах стоял такой, что в моём ресторане меня бы уволили и сдали санитарной инспекции.

Последнее, что я помнила из своей, настоящей жизни — ресторан «Пряный корень». Я — шеф-повар. Мои 98 килограммов, моя бригада, мой лучший ученик Марат, который сдавал экзамен по рыбе фугу.

Фугу. Самая опасная рыба в мире. Если неправильно её вычистить — яд убивает за минуту. Я учила Марата три года. Он был талантлив. Самоуверен, но талантлив. И я, дура, решила попробовать его блюдо первой.

Вкус был идеальным.

А потом — пустота.

— Значит, не умерла, — прошептала я. — Телепортировалось. В чужое тело. В мир, где есть драконы, клейма и котлы, которые нужно мыть.

Я пошарила по карманам робы. В одном нашла чёрствый кусок хлеба — запихнула в рот, прожевала, не чувствуя вкуса. В другом — странный камешек, который слабо светился фиолетовым. Я сунула его обратно — вдруг пригодится.

В углу стояла бочка с водой. Я подошла, зачерпнула ладонями, напилась. Вода была холодной, с металлическим при-

вкусом. Живот скрутило, но я сдержала рвотный позыв.

— Так, Айза, — сказала я себе. — Ты — шеф-повар. Ты пережила сотни кризисов на кухне, двух помощников, которые подожгли фритюр, и одного поставщика, который привёз тухлую рыбу. Ты справишься и с этим. Даже если теперь тебя зовут Обедок.

Я встала. Шатнулась, но устояла.

Коридор из чёрного камня вёл наверх. Я пошла по нему, держась за стену. Ступени были стёрты тысячами ног, масляные плоски шипели, где-то капало, где-то скребли — наконец, другие такие же несчастные.

Коридор вывел меня в огромный зал.

Я замерла.

Это была кухня. Нет — *КУХНЯ*. Котлы размером с автомобили, столы из цельных каменных плит, какие-то агрегаты, которые светились, искрили и пахли озоном. По стенам висели ножи — не мои привычные шеф-ножи, а тесаки, похожие на мечи. На потолке — люстры из чьих-то огромных рогов.

И повсюду люди. Молчаливые, грязные, с такими же клеймами на запястьях. Они сновали между котлами, таскали бадьи, скребли, мыли, перебирали очистки. Никто не разговаривал. Только шарканье ног и глухие удары скребков.

— Ты новенькая? — ко мне подошла девушка — худая, с испуганными глазами и спутанными тёмными волосами. — Я тебя раньше не видела. Ты откуда?

— Из подвала, — ответила я. — Семь дней там просидела. Айза меня зовут.

Девушка испуганно оглянулась и прижала палец к губам.

— Тише! Здесь имён не называют. Ты объедок. Поняла? Если надзиратель услышит — снова отправит в подвал. На этот раз насовсем. Меня, кстати, Нисса зовут, но ты никому не говори. А сейчас — бери скребок и работай. Третий котёл три месяца не мыли. Надзирательница велела к вечеру блеснуть.

Она сунула мне в руки железную пластину на палке — ржавую, тупую, явно не знавшую дезинфекции.

Я посмотрела на котёл. Огромный, чёрный, покрытый слоем засохшей грязи, которая кое-где подсвечивалась фиолетовыми прожилками.

— Ладно, — сказала я, берясь за котёл.

Я вцепилась в него так, что побелели костяшки.

Я — Айза. Шеф-повар. Попаданка. Бывшая толстуха, а теперь — грязный, голодный объедок.

И я не собираюсь умирать здесь. По крайней мере, сегодня. Второй раз за один день было бы уже слишком.

Глава 2. Чих в котёл

— Ты чего стоишь, как памятник? — Нисса дёрнула меня за рукав. — Бери скребок и работай, пока повариха не вернулась.

Я моргнула. Только что меня били по щекам, называли объедком и грозились скормить драконам. А теперь я должна чистить котёл. Как-то резко жизнь повернула.

— А где тут... инструменты? — спросила я, оглядывая моечную.

Это было помещение, которое даже при хорошем освещении выглядело как филиал ада для бедных. Каменные стены в подтёках, зелёные масляные лампы, чаны с чем-то булькающим. И этот котёл. Огромный, чёрный, покрытый слоем засохшей грязи, который местами подсвечивался фиолетовыми прожилками. Третий котёл, значит. Я подошла ближе — запах ударил такой, что глаза щипало. Тухлая магия, старый жир и... корица? Странно.

— Держи, — Нисса сунула мне железную пластину на палке. — Называется скребок. Давишь от локтя, не от плеча. И не поломай, у нас их всего два на всех.

Я взяла инструмент. Он был ржавым, тупым и явно не знал, что такое дезинфекция. В моём ресторане такой полетел бы в утиль ещё на стадии разгрузки продуктов.

— И это всё? — спросила я.

— А ты хотела магический скребок, который сам чистит?
— Нисса усмехнулась. — Вон они висят, голубенькие. Но
объедкам они не подчиняются. Как и всё остальное в этой
академии.

Я посмотрела на другой конец моечной. Там на стене действительно висели аккуратные светящиеся приборы — явно магические. Красивые, дорогие, бесполезные для тех, у кого на запястье клеймо «объедок».

— Понятно, — вздохнула я и вцепилась в котёл.

Первый час я пыталась отскрести хоть что-то. Слои грязи был толщиной с палец и твёрдый, как бетон. Мои новые руки — тонкие, слабые, без единой мозоли — быстро уставали. Но я не останавливалась. Двадцать лет на кухне приучили меня к одному: если не дожмёшь — клиент уйдёт. Здесь клиентом, кажется, была смерть. Я не собиралась ей уступать.

— Медленнее, — посоветовала Нисса, работавшая на соседнем участке. — Если будешь так рвать жилы, через час сдохнешь.

— А они этого и добиваются? — спросила я, не сбавляя темпа.

— Кто — они? — Нисса пожала плечами. — Драконы, начальство, система. Им всё равно, сдохнем мы или нет. Объедков всегда можно набрать новых. Тут даже срок есть: пять лет. Редко кто дольше протягивает. Магия отходов жрёт нас изнутри.

Я мельком глянула на свои пальцы. Сквозь потрескавшу-

юся кожу уже сочилась жидкость — не красная, а с фиолетовым отливом. Значит, не врала.

— Пять лет? — переспросила я.

— Если повезёт. Некоторые и раньше кони двигают, — Нисса снова взялась за скребок. — Но ты не думай. Главное — работать и не отсвечивать. Тогда, может, и до шести дотянешь.

«Шесть лет», — подумала я, вгрызаясь в очередной пласт грязи. В моём мире я в свои сорок только начала жить. А здесь меня уже похоронили.

— Нисса, а что будет, если объедок вдруг проявит магию? — спросила я как бы между делом.

Нисса резко обернулась и прижала палец к губам.

— Ты чего? Такие слова — смерть. Если надзирательница услышит — отправит на эксперименты. Будут резать и смотреть, как ты устроена. А потом скормят драконам, чтобы те усилили магию вкуса. Поняла? Магии у нас нет. И быть не может.

— Поняла, — кивнула я. — Просто интересно.

— Интересно ей, — Нисса покачала головой. — Ты, Айза, странная. Обычные объедки в первый день плачут или просятся наверх. А ты спрашиваешь про магию.

— Я необычный объедок, — буркнула я и вернулась к котлу.

Но теперь я смотрела на фиолетовые прожилки иначе. Что-то внутри меня отзывалось на их пульсацию. Какая-то

странная вибрация в груди, в пальцах, в кончиках языка.

Профессиональная привычка. Я всегда чувствовала еду. Могла на вкус определить свежесть рыбы, готовность соуса, даже настроение повара, который её готовил. Может, здесь это называется магией?

К четырём часам дня я поняла, что обычными методами эту грязь не отодрать. Верхний слой мы кое-как счистили, но под ним оказался настоящий магический налёт — фиолетовая корка, которая при малейшем прикосновении начинала пульсировать и светиться.

— Всё, — Нисса отбросила скребок. — Это не снять без дара. А у нас дара нет.

— А если попробовать иначе? — спросила я.

— Как?

Я подошла к котлу и провела рукой по самому грязному участку. Магия дёрнулась. Фиолетовые прожилки вспыхнули ярче, и я почувствовала, как что-то во мне щёлкнуло, как выключатель.

— Айза, — прошептала Нисса. — Твои глаза.

— Что с ними?

— Они фиолетовые. Оба.

Я хотела ответить, что это просто усталость и плохое освещение, но в этот момент у меня засвербило в носу.

— А-а-а...

Нисса попятилась.

— Айза, не смей!

— А-а-апч-хи!

Чихнула я так, что искры полетели. Фиолетовые, яркие, они врезались в магический налёт — и налёт пошёл пузырями. Котёл зашипел, забулрил, запахло корицей и жжёным сахаром. Прямо на глазах корка начала трескаться, отслаиваться и падать на пол.

— Что ты сделала?! — закричала Нисса.

— Я чихнула! — честно ответила я.

Фиолетовые прожилки дёрнулись в последний раз — и погасли. Котёл блестел чистым металлом, которого не видели, наверное, месяцы. Вся моечная замерла.

Другие объедки бросили свои скребки и смотрели на меня. Кто-то крестился, кто-то шептал ругательства.

— Убери это! — заорала Нисса. — Быстро!

— Что убрать? Я ничего не делала!

— Твои глаза! Они всё ещё фиолетовые!

Я зажмурилась, потрясла головой, потом снова открыла глаза. Вроде всё прошло. Смотрю на Ниссу — она обычного цвета. На других объедков — тоже.

— Всё, нормально, — сказала я. — Тебе показалось.

— Мне не показалось, — Нисса схватила меня за руку и потащила в угол. — Ты чихнула магией, Айза. Понимаешь, что это значит?

— Что я простужена на драконий манер?

— Не шути! — она тряхнула меня. — Если кто-то узнает, тебя заберут. Будут резать, пока не поймут, как у тебя это

получилось. А потом скормят драконам. Я серьёзно.

Я посмотрела на неё. Глаза у Ниссы были мокрые — то ли от страха, то ли ещё от чего.

— Ладно, — сказала я тихо. — Никто не узнает.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Это была ложь. Я не могла ничего обещать, потому что не знала, сработает ли эта штука снова. Но Ниссе нужны были слова.

Она кивнула, вытерла глаза грязным рукавом и вернулась к котлу.

— Смотри, — сказала она, обводя рукой блестящий металл. — Теперь придётся объяснять, как мы его отмыли.

— Скажем, что долго терли.

— Никто не поверит.

— А ты предложи что-то умнее.

Нисса задумалась. Потом пожала плечами:

— Ладно. Долго терли. Но если повариха спросит — я в туалет выходила.

— Спасибо, — я взялась за скребок. — Ты настоящий друг.

— Я ненормальная, — поправила Нисса. — Но да, друг.

К вечеру третий котёл сиял, как драгоценность. Повариха пришла, провела пальцем по чистому металлу, облизнула его и сказала:

— Повезло. Завтра будете мыть четвёртый.

Она ушла, не спросив, как нам это удалось.

Нисса выдохнула. Я — тоже.

Но я знала: это только начало.

Магия внутри меня шевелилась, как котёнок в мешке. И она явно не собиралась сидеть тихо.

Вопрос был только в том, сколько времени пройдёт, прежде чем кто-то заметит.

И что я буду делать, когда это случится.

Глава 3. Кот в мешке

После того как третий котёл заблестел, повариха выдала мне новое задание, от которого, кажется, открещивались даже самые отъявленные объедки.

— Ты, — ткнула она пальцем мне в грудь. — Иди в отстойник. Вынесешь бадьи с остатками бульона. И смотри, не расплещи, а то пойдёшь драконам на корм лично в моём присутствии.

Я взялась за ручки двух огромных бадей, доверху наполненных какой-то липкой, светящейся фиолетовым жижей. Запах от них шёл такой, что у меня глаза начали слезиться ещё до того, как я сделала первый шаг.

— По запаху дойдёшь, — бросила повариха уже в спину. — Там, где воняет хуже всего, там и отстойник.

— Спасибо за навигацию, — пробормотала я, таща бадьи к выходу из моечной.

Нисса проводила меня сочувственным взглядом. Другие объедки отвернулись — явно не хотели иметь со мной ничего общего, пока я не выполню это «почётное» задание.

Коридор из чёрного камня уходил всё дальше вниз. Свет масляных площадок становился тусклее, запахи — тяжелее. Я тащила бадьи, проклиная всё на свете: свою бывшую жизнь, ученика Марата, рыбу фугу, драконов, налоги (про которые ещё ничего не знала, но уже чувствовала, что они будут), и

особенно — этот чёртов отстойник.

— Куда меня занесло? — прошептала я, перехватывая ручки. — Я была шеф-поваром. Шеф-поваром! У меня были повара, подчинённые, ученики! А теперь я таскаю драконьи какашки в отстойник.

Бадьи согласно булькнули, соглашаясь с моим унижением. Я шла, наверное, минут десять. Лестница уходила всё глубже, стены покрылись мхом, который светился в темноте неприятным зелёным цветом. Наконец я упёрлась в массивную железную дверь. От неё разило так, что я поняла: я на месте.

Отстойник оказался огромной ямой, выложенной чёрным камнем, до половины заполненной гниющей органикой. Запах стоял такой, что глаза слезились, а горло перехватывало спазмами. Бадьи следовало опорожнить прямо в эту жижу, затем прополоскать их в чане с водой (который стоял тут же, наполненный чем-то, что когда-то было водой), и вернуться на кухню.

— Красота, — сказала я сама себе. — Настоящий райский уголок.

Я опорожнила первую бадью. Жижа выплеснулась в яму с мерзким чавканьем, и оттуда поднялось облако фиолетового пара.

Потом вторую.

— Фух, — выдохнула я. — Полдела сделано.

И тут я услышала звук.

Тихое, надрывное, совсем слабое мяуканье.

Я замерла.

Мяуканье повторилось. Оно доносилось из кучи мусора, которую ещё не успели сбросить в яму — груда гнилых очистков, картофельных шкурок, каких-то тряпок и... живого существа.

Я осторожно заглянула за груду.

Там лежал кот.

Чёрный. Грязный. Худой до неприличия — рёбра выпирали, шерсть свалилась в колтуны. На боку — старая рана, затянутая чёрной коркой, которая слабо пульсировала фиолетовым. Глаза — золотисто-зелёные, мутные, почти неживые.

А на шее у кота висел медальон. Серебряный, с каким-то символом, и этот медальон... светился. Фиолетовым. Как и рана. Как и мои глаза, когда я чихнула в котёл.

Кот открыл пасть, и я приготовилась услышать очередное жалобное «мяу».

— Ты кто? — спросил кот.

Я чуть не села в лужу.

— Ты... ты говоришь?

— А ты нет? — кот кашлянул, и из его пасти вылетела маленькая фиолетовая искра. — Язык проглотила? Или от удивления дар речи потеряла? Бывает.

— Я... — я попыталась собраться. — Коты не говорят. В моём мире коты не говорят.

— В твоём мире драконы не летают? — кот прищурился.
— И налоги не платят с каждого чиха? Тогда тебе повезло.
А здесь — говорящие коты в порядке вещей. Особенно на помойке.

Он попытался встать, но лапы подкосились, и он снова рухнул на тряпки.

Я присела на корточки.

— Ты ранен.

— Догадливая, — кот лизнул свою лапу. — Ранен, голоден, зол и вообще не в духе. Так что если ты пришла меня добить — делай это быстро. Я не люблю долгих прощаний.

— Я пришла вылить отходы, — сказала я. — Но могу и поделиться хлебом. Если ты, конечно, не против.

Кот поднял голову, и его глаза — мутные, усталые — вдруг блеснули красным.

— Хлебом?

— Чёрствым. Но лучше, чем ничего.

— Лучше, чем ничего — это уже что-то, — кот попытался подползти ближе. — Ты объедок? По запаху — да. Клеймо на запястье. И пахнешь отчаянием и... рыбой? Фугу?

Я похолодела.

— Откуда ты знаешь про фугу?

— Чую, — кот чихнул. — У меня нюх лучше, чем у любой драконьей ищейки. И ещё я чую, что ты не местная. Попаданка? Тупая случайность?

— У меня был ученик, который отравил меня фугу, —

сказала я, доставая из кармана заветную чёрствую горбушку.
— Очнулась в этом теле. И теперь я объедок.

— Классика, — кот взял хлеб из моих рук и вцепился в него зубами. — Каждую неделю по одной такой. Ты хотя бы не плачешь. Некоторые ревут, как драконы в брачный период.

Я смотрела, как он жуёт. Жадно, быстро, с урчанием. Его медальон при этом пульсировал в такт глоткам.

— Меня Айза зовут, — сказала я. — Или теперь просто «объедок».

— А меня — Уголёк, — кот облизнулся. — И к твоему сведению, это имя мне дали не за красивые глаза. Когда я злюсь, от врагов остаётся один уголёк. Так что лучше не беси меня.

— Уголёк, — повторила я. — А почему ты здесь? На помойке?

Кот замер. Его глаза снова блеснули красным — на этот раз ярче, злее.

— Потому что меня выбросили. Та, кому я служил сто лет. Красавица с чёрной душой. Бывшая декана Кассандра. Она нашла себе нового фамильяра, а меня... меня отправила на помойку. Сказала, что я бракованный и пусть сдохну среди объедков.

— Сто лет? — я присвистнула. — А ты старый.

— Я опытный, — поправил Уголёк. — И сейчас я голодный, злой и бездомный. Как и ты, кстати. Пахнешь так же.

— Так давай объединимся, — предложила я. — Два объедка — сила.

Кот посмотрел на меня долгим взглядом. Потом сказал: — Ты странная. Обычно объедки, когда видят говорящего кота, крестятся или убегают. А ты предлагаешь сотрудничество.

— Я шеф-повар, — ответила я. — У нас, шефов, нюх на хороших помощников. А ты, Уголёк, похож на того, кто умеет выживать.

— Умею, — кот встал, пошатываясь. — Одно ношение медальона, который светится непонятно чем, уже говорит о моей живучести.

— А что с ним? — я кивнула на его шею.

— Долгая история, — Уголёк подошёл к моей ноге и потёрся о неё. — Короткая версия: магия предков. Фиолетовая. Редкая. И если ты умеешь чихать фиолетовыми искрами — мы с тобой одной крови.

— Откуда ты...

— Я же сказал: у меня нюх лучше, чем у любой ищейки, — кот фыркнул. — Ты вся пропахла фиолетовой магией. И котлом. И уксусом. Ты чихнула в котел?

— Чихнула, — призналась я. — И он отмылся.

— Гениально, — Уголёк покачал головой. — Ты даже не представляешь, насколько. Обычно магический налёт могут снять только маги-повара с высшим рангом. А ты чихнула — и готово.

— Это была случайность.

— Первая случайность — это талант, — сказал кот. — Вторая — уже закономерность. Так что, Айза-объедок, береги свои чихи. Они могут стать твоим билетом наверх. Или в могилу.

Он посмотрел на меня своими золотисто-зелёными глазами.

— Спрячешь меня? В робе? Я вешу немного. Почти ничего.

Я оглянулась. В отстойнике было тихо, только фиолетовые пузыри лопались в яме, да где-то капала вода.

— А если поймают? — спросила я.

— Скажешь, что я твой фамильяр, — кот уже лез на меня по штанине. — Импровизируй.

— У объедков не бывает фамильяров.

— А у аномалий бывают, — Уголёк забрался за воротник моей робы и свернулся клубком. — А ты, Айза, теперь аномалия. И лучше тебе привыкнуть к этому статусу.

Я вздохнула.

Бадьи были пусты. Отстойник выполнен. Кот грелся у меня за пазухой.

— Ладно, Уголёк, — сказала я, направляясь обратно в мочную. — Добро пожаловать в команду. Паёк делим пополам.

— Я хочу рыбу, — сказал кот.

— Будешь хлеб.

— Тогда я уйду.

— Нет, не уйдёшь. Ты уже на мне зависишь.

Уголёк заурчал — то ли от недовольства, то ли от того, что впервые за долгое время его кто-то не пнул, а взял с собой.

Я шла по тёмному коридору, чувствуя тепло его тела у себя на груди, и впервые за этот долгий день мне стало немного легче.

— Уголёк, — спросила я. — А Кассандра — она кто?

— Красотка снаружи, гниль внутри. Умеет превращать себя из старухи в модель. И ненавидит объедков.

— А тебя?

— Меня — особенно. Я знаю её секреты. Поэтому она меня и выбросила, — Уголёк замолчал на секунду. — Но я вернусь. И тогда она пожалеет.

Я ничего не сказала.

Только шла вперёд, в темноту, туда, где пахло тухлой магией, безнадёгой и — как ни странно — надеждой.

— Айза, — голос кота прозвучал уже сонно.

— М?

— Ты не такая, как другие. Может, выживешь.

— Может, и выживу, — ответила я, толкая дверь в моечную. — А ты поможешь.

— Помогу, — согласился Уголёк. — Но рыбу я всё равно хочу.

Я усмехнулась и шагнула в свет масляных ламп.

Нисса, увидев меня, открыла рот, чтобы что-то спросить,

но я приложила палец к губам.

Секрет. Тайна. Аномалия.

У меня теперь был кот. Говорящий.

Визуал. Встреча с Угольком

Глава 4. Мы открываем бизнес, мы будем делать бабки

Когда объедки разошлись по нарам, я осталась в моечной одна. Ну почти одна. Уголёк вылез из-за пазухи, отряхнулся и громко спросил:

— Жрать дадут?

— Ты бы хоть «здравствуй» сказал, — вздохнула я.

— Здравствуй. Жрать дадут?

Кот был чёрным, голодным и наглым. Медальон на шее тускло мерцал фиолетовым. Он смотрел на меня так, будто я была его личным официантом, а не таким же объедком.

— У меня только хлебная корка, — призналась я.

— Корка — это не жратва. Корка — это наказание за грехи, — Уголёк мотнул головой в сторону кучи мусора. — А вон там — ингредиенты. Ты шеф-повар, Сделай что-нибудь.

— Ты неисправим.

Я посмотрела на отходы: картофельные очистки, морковные хвосты, рыбы головы, сушёная трава на полу. В моём ресторане такое выкинули бы даже крысы. Но тут не ресторан. Тут филиал ада, где я работаю поваром. И единственный клиент — наглый кот с амбициями.

— Огонь нужен, — сказала я.

— А ты чихни. Тот самый чих, помнишь? Ты рассказыва-

ла. Ты котёл им отмыла. И теперь говоришь, что не можешь воду вскипятить? Не смеши кота. И себя заодно.

— Это была случайность.

— Попытка не пытка. Чихни, мать твою. А то я помру молодым, даже не успев потомство оставить.

Я закрыла глаза. Перед мысленным взором возник Марат: его довольная рожа, когда он подавал мне ту самую фугу. Идеальный вкус, говоришь? Идеальная отравка. Я сжала кулаки, злость обожгла грудь — и я чихнула прямо в бочку с водой.

Фиолетовая искра шлёпнулась в воду с громким «плюх». Вода зашипела, забулькала и закипела. Пар пошёл клубами, и по всей моечной разнёсся запах озона и корицы.

— О, работает, — кивнул кот с видом профессора, который поставил зачёт. — Молодец. Теперь загружай туда очистки. И не жалея, я есть хочу. Только морковь порежь мельче, а то в моей миске всё равно не поместится.

— Ты бы ещё сказал, как соль добавлять, — буркнула я, но морковь всё-таки порезала помельче.

Я бросила в кипяток картофельные шкурки, морковные кружочки, отделила от рыбных голов мякоть — жалкий комочек, но белок есть белок. Нашла соль на подоконнике — чудо, а не находка. Укроп сушёный подобрала с пола. Даже дохлую лаврушку выудила из ведра — кто-то явно выкинул её, не зная цены.

Запах поплыл такой, что у меня самой слюнки потекли. И

это я варю из того, что другие драконы выбросили.

— Мешай, — командовал Уголёк, усевшись на ящик и скрестив лапы на груди. — Сильнее. Во-он ту кость вылови, она там лишняя. Ты шеф или кто? Я видел, как ты ножом орудовала — могла бы и кость почище ободрать, там ещё мясо осталось.

— Ты будешь мешать, если такой умный?

— Я кот. Я мешаю только лапшу на уши. А суп мешай ты. И не ворчи, а то магия твоя фиолетовая скиснет.

Я мешала, ворчала, но внутри разливалось тепло. Не от супа — ещё не готового. От того, что кто-то тут командует. От того, что я не одна. Даже если этот кто-то — облезлый кот с манией величия.

Через полчаса я сняла пробу. Суп выглядел съедобно.

— Ну? — кот замер в ожидании. — Ты первая попробуй. Я подожду. Знаешь, есть кошачья мудрость: сначала попробует шеф, а если он не умер, ешь смело. Я не хочу стать котом-легендой из-за того, что подавился твоей магической коркой.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. У тебя магия неизвестная. Вдруг это отравя, а не суп? Давай, шеф, покажи пример.

Я зачерпнула ложкой, подула и отправила в рот. Вкус — ничего. Даже неплохо. Тепло разлилось по желудку. Я не умерла, не закашлялась, не засветилась.

— Живая, — констатировала я. — Вкусно, кстати.

— Ну наконец-то, — Уголёк пододвинул свою миску. —

Наливай. Я тоже хочу рискнуть.

Я налила ему полную миску. Кот ел с таким видом, будто в ресторане на дегустации. Принюхивался, пробовал медленно, потом быстрее, потом завис и посмотрел на меня с новым выражением.

— Слушай, — сказал он, облизывая усы. — А знаешь, это не отвратительно.

— Спасибо, тронута до глубины души.

— Я серьёзно. Это даже вкусно. Дай-ка ещё.

Я налила вторую миску. Кот вылакал и её, после чего сел на ящик, и вдруг его глаза засияли, медальон полыхнул фиолетовым, и он произнёс с пафосом, достойным драконьего лорда:

— Айза! Слушай и запоминай. Наша фирма будет называться «Уголёк Лимитед Корпорейшн». Сокращённо — УЛК. Я — генеральный директор по финансам и безопасности. Ты — шеф-повар и директор по производству. Делим прибыль пополам. Империя!

С этими словами он выпрямился, расправил плечи, задрал морду к потолку и заурчал. Не просто заурчал — он заурчал величественно, раскатисто, так, что эхо пошло по всей моечной, а масляные лампы замигали.

— Ты что, гимн корпорации сочиняешь? — спросила я.

— Я утверждаю бренд. Запомни этот день. Он войдёт в историю.

— В историю помойки?

— В историю бизнеса, — отрезал Уголёк. — А теперь — к делу.

Он спрыгнул с ящика и устоялся на кучу отходов.

— Обьедки голодные, — Уголёк понизил голос до шёпота. — У них есть драконьи копейки. За смену каждому дают одну копейку. Это мало, но если копить — можно на что-то хорошее наскрести. Например, на тарелку твоего супа.

— Откуда ты знаешь про копейки? Ты сам говоришь, что сто лет на помойке сидел.

— Я не на помойке, а в релокации. И я всё знаю. У меня уши чуткие. Драконья монета — это сто копеек. Нищий обьедок копит год, чтобы обменять на одну монету. А мы возьмём с них за половник три копейки. Или пять — с хлебом. Им не дорого, но нам навар.

— Навар? Ты серьёзно?

— Абсолютно. Смотри: себестоимость нулевая — всё из мусора. Твой чих — бесплатный. Моя логистика — тоже бесплатная. Чистая прибыль — полный пансион. Мы будем богаты, Айза. Купим тебе новую робу. Не порванную. Может, даже с карманом.

— А тебе?

— Мне — кошачью мяту высшего сорта. Я заслужил, — он гордо вскинул голову.

— На кой нам богатство? Мы обьедки. Нас всё равно могут скормить драконам.

— Айза, — кот спрыгнул с ящика и подошёл ко мне

вплотную. — Ты серьёзно не понимаешь? Деньги — это свобода. Накопим — дадим взятку поварихе, чтобы она перевела нас наверх. Или вообще из академии свалим. У меня есть знакомые за стеной. Ну, были. Но я помню, куда ползти. Там есть место, где кормят три раза в день. Я слышал крысиные разговоры.

— Ты предлагаешь подпольный бизнес? Чтобы потом сбежать?

— Я предлагаю нам не сдохнуть здесь через пять лет, как все объедки. Я предлагаю копить на выход. Тайно. Ночью. Никто не узнает. Ты варишь — я торгую. Прибыль пополам.

— А если поймают?

— Не поймают, — кот усмехнулся, и его глаза на секунду блеснули красным. — У меня нюх на опасность. Я за версту чую повариху. И когти на случай, если кто-то захочет долю. Один уголёк — и клиент сам отдаст деньги, ещё и извинится.

— Ты не кот, ты рэкети́р.

— Я финансовый директор «Уголёк Лимитед Корпорейшн», — поправил он. — Так что, по рукам? Или ты хочешь до конца своих дней чистить котлы за одну копейку в смену?

Я посмотрела на его протянутую лапу. Грязную, с ободранными когтями, но твёрдую.

— По рукам, — я пожала её. Лапа была холодная и чуть-чуть дрожала.

— Отлично, — кот сразу оживился. — Тогда первый кли-

ент — Нисса. Будет тест-драйв. Спрос проверим, обратную связь соберём. И главное — никакого кредита. Деньги вперёд.

— Ты бизнес-коуч из помойки.

— Я кот, который знает толк в деньгах. Давай, наливай.

Я налила третью миску — Ниссе. Мы пошли в общагу. Нисса спала на нарах, свернувшись калачиком. Я легонько потрясла её за плечо.

— М? — она приоткрыла один глаз. — Айза? Что случилось? Повариха?

— Нет. Есть хочешь?

— Есть хочу всегда, — вздохнула Нисса. — Но у меня только хлеб. Чёрствый.

— А у нас суп, — сказал Уголёк, высовываясь из-за моей спины. — Свежесваренный. Ароматный. Три копейки порция — для тебя, как для первой клиентки, со скидкой. И учти, ты инвестируешь в «Уголёк Лимитед Корпорейшн».

Нисса села, понюхала воздух. Глаза у неё стали круглыми.

— Дайте мне ложку.

— Деньги вперёд, — кот протянул лапу.

Нисса полезла за пазуху и вытащила три маленьких медных кругляшка. Жалкие, потёртые, но настоящие.

— Это всё, что у меня есть, — прошептала она. — Я их три месяца копила.

— Инвестиция в будущее, — философски заметил Уголёк, ловко сгрёб монетки и сунул в карман моей робы. —

Ешь, пока горячее. Ты — первый акционер «Уголёк Лимитед Корпорейшн». Гордись.

Нисса вылакала суп за минуту. Облизала миску, потом ложку, потом снова миску.

— Айза, — сказала она, глядя на меня почти с ужасом. — Ты волшебница. Я такого вкуса лет десять не чувствовала. Можно добавки?

— Добавка — две копейки, — кот щёлкнул когтями.

— У меня больше нет.

— Тогда завтра. Приходи с деньгами.

Нисса кивнула, улыбнулась блаженной улыбкой и снова рухнула на нары.

Мы вернулись в моечную. Кот высыпал три монетки на ящик и подвигал их лапой.

— Первая прибыль, — сказал он с чувством глубокого удовлетворения. — Видишь? Спрос есть. Никто не отказался. Надо масштабироваться.

— Что? — не поняла я.

— Варить больше и продавать чаще. Это называется «масштабирование». Я слышал, как драконы обсуждали на совете. Слова такие умные. Я их запомнил.

— Ты сидел под столом и слушал драконьи разговоры?

— А ты думала, я просто так от них сбежал? Я собирал информацию. Информация — это деньги. Вот я и подслушивал. Много чего узнал. Например, про налоги.

— Про какие налоги? Тут еще и налоги берут?

— Об этом потом, — кот махнул лапой. — Потом. Сначала бизнес.

Он зевнул и устроился у меня на коленях, свернувшись калачиком.

— Айза, — сказал он тихо, почти сонно. — Спасибо, что нашла меня. Или я тебя. Без разницы. Но теперь мы свои. И я хочу, чтобы мы выбрались отсюда. Не ради денег даже. Ради того, чтобы нормально пожрать и не бояться, что завтра отдадут драконам на корм.

— Пожрать — это святое, — согласилась я.

— Вот, — кот замурлыкал. — Ты понимаешь. А ещё я хочу, чтобы у нашей корпорации был офис с ковриком. Не подвал. С нормальной вытяжкой. И коврик, где я могу чесать когти.

— Коврик тебе выпишут из отходов, — усмехнулась я.

— Идёт, — он прикрыл глаза.

Я сидела, гладила его по чёрной шерсти и считала в уме.

Две копейки за вечер. Если завтра придут двое и продать им по три копейки — шесть. Если через неделю — десять клиентов. Тридцать копеек за ночь. Девятьсот в месяц. Девять драконьих монет.

За год — больше ста монет.

На сто монет можно дать взятку. Или купить лошадь до границы. Или подкупить стражника, который выпустит за ворота.

Мы будем копить на свободу.

Тайно, чтобы никто не узнал.

Скоро к нам присоединятся другие обеды. Нисса приведёт друзей, друзья приведут соседей. Мы накормим всех.

А потом — свобода.

— Айза, — донёсся сонный голос кота. — Ты что, уже улыбаешься? Деловая ты моя.

— Это не улыбка. Это оскал предпринимателя.

— Оскаляйся дальше, — Уголёк повернулся на другой бок. — Завтра с утра — план работ. Четвёртый котёл и новые ингредиенты для «Уголёк Лимитед Корпорейшн».

Я подкинула на ладони три монетки, спрятала их в самый тайный карман робы и легла рядом с котом.

Мы копим на свободу.

Глава 5. Декан-привереда

На следующее утро я проснулась с твёрдой уверенностью: жизнь — полная задница. Но у этой задницы есть жирный плюс: мы с котом разбогатеём.

— Айза, — прошептала Нисса, тряся меня за плечо. — Повариха идёт. И с ней... какой-то мужчина в чёрном.

— В чёрном? — я села. Уголёк, спавший у меня на груди, недовольно фыркнул.

— В чёрном с серебром. Очень страшный. Не смотрит ни на кого, только сквозь.

— Декан, — выдохнул кот и молнией юркнул за пазуху. — Айза, это конец. Нас раскрыли. Он пришёл за бизнесом.

— Какой бизнес? — я лихорадочно натягивала робу. — Мы только одну порцию продали!

— Информация течёт, — трагическим шепотом сказал Уголёк.

В моечную вошла повариха. А следом — он.

Я обомлела. Высокий, бледный, тёмные волосы зачёсаны назад. Глаза холодные, с вертикальными зрачками, и смотрят они сквозь тебя, будто ты — пустое место. Широкие плечи, прямая спина — даже под чёрной мантией с серебряной вышивкой чувствуется сила. Лицо резкое, красивое, с жесткой линией скул и тонкими губами, привыкшими отдавать приказы. Идеальный, неприступный, как драконья башня.

Воздух вокруг него стал морозным. Я поёжилась.

— Это она, — повариха ткнула пальцем в меня. — Та самая, что третий котёл отмыла. Верхние повара сказали: такой налёт сам не сходит. Значит, магия. А у неё клеймо объедка.

— Магия у объедка? — декан повернулся ко мне. — Невозможно. Ты не должна ничего чувствовать.

Я промолчала. Потому что если бы сказала «я тоже удивилась», меня бы скормили драконам.

— Иди сюда.

Я подошла. Он взял моё запястье — пальцы длинные, тёплые (я ожидала льда, а они живые). Посмотрел на клеймо, потом в глаза. Смотрел долго. Я не отвела взгляд. Когда ты объедок, у тебя два пути: пялиться в пол или в душу. Я выбрала душу.

— Правда, что чихнула — и налёт исчез?

— Чихала, — ответила я. — Но не нарочно. Это аллергия.

— Аллергия на магию? — он усмехнулся уголком рта. — Бывает. Но не у объедков. У объедков ничего не бывает, кроме голода и смерти лет через пять.

— Может, я особенная, — брякнула я.

Уголёк за пазухой втянул когти в мою кожу. «Молчи, дура».

Декан смотрел ещё секунду. Потом сказал:

— Сегодня приготовишь мне обед. Из обычных продуктов. Я принесу. Никакой магии.

— А если откажусь?

— Ты объедок, — он наклонился ближе. Я почувствовала горьковатый запах — кора старого дуба после дождя. — У тебя нет права отказывать. Готовишь — я смотрю. Если получится съедобное, не отправлю на эксперименты. Если нет — знаешь, где окажешься.

— На корме у драконов.

— Именно. Жди. Через час.

Он ушёл. Спина — широкая, прямая, негибкая — мелькнула в проходе. Повариха ушла следом, бросив взгляд, полный злорадства и страха.

— Айза, — прошептала Нисса. — Ты как?

— Жить буду. Дай минутку перестать трястись.

Я села на ящик. Уголёк высунул голову.

— Слушай, — сказал он деловито. — Он не знает про наш бизнес. Только про твой чих. Готовь. Никакой магии, только талант. Поняла?

— Поняла. Только у меня нет ни ножа, ни доски, ни кастрюли.

— Это твои проблемы. Моя — сидеть тихо и не отвечивать.

Час пролетел как мгновение. Декан вернулся ровно через час — ни минутой раньше. В руках — корзина из чёрной лозы, накрытая белой тканью. Поставил на ящик, откинул покрывало.

Я ахнула.

Рыба. Свежий серебряный лосось — прозрачные глаза, тугая чешуя, перламутровый блеск. Овощи: морковь с ботвой, пахнувшая землёй, золотистый лук, корень петрушки — увесистый, пряный. Соль, перец горошком, лавровый лист с маслянистыми прожилками. И кусок сливочного масла в вощёной бумаге. Домашнего, с капельками сыворотки.

— Это...

— Это продукты, — перебил декан. — Свари уху. И не вздумай колдовать. Я буду смотреть.

— У меня нет ножа.

Он вытащил из-за пояса нож в кожаных ножнах. Лезвие с голубоватым отливом — магическое, красивое. Тяжёлое, идеально сбалансированное.

— Спасибо.

Рука перестала дрожать, как только пальцы сомкнулись на рукояти. Я взяла рыбу. Чешуя слетела хлопьями — тихий, музыкальный шелест. Под пальцами — упругая плоть, запах моря и свежести. Потрошила аккуратно, не повредив желчный — горчить будет, а этот привереда наверняка заметит.

Декан стоял в двух шагах, скрестив руки на груди. Наблюдал. Молча. Но глаза — вертикальные зрачки чуть расширены — следили за каждым движением.

— Мешаю? — спросил он, когда я взялась разделявать филе.

— Что?

— Мешаю я. Не кипятить. Плавно. И соль на глаз, не пере-

соли. Мои повара вечно пересаливают. Боятся, что я не почувствую.

Я покосилась на него. Привереда. Но в голосе не было высокомерия — только привычка к качеству. Он не унижал, просто требовал. Как и подобает декану.

Отделила филе от хребта — нож шёл будто сквозь масло. Кости в сторону, на бульон. Морковь очистила тонкой лентой — под ножом брызнул сладкий сок. Лук резала крупно, зажмурившись от слёз. Вода в котле уже кипела — Уголёк развёл костёр, пока декан не видел. Бросила голову, хвост, хребет. Целую луковицу, морковь кружками. Добавила петрушку.

Пену сняла сразу — бульон начал светлеть, наливаясь янтарным. Пахло. Ох, как пахло! Запах вытеснил гниль моечной, заставил Ниссу зажмуриться, а Уголька — замурлыкать за пазухой. Пахло домом. Тем, которого у меня никогда не было.

— Вы пробовали уху раньше? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

— Тысячу раз. Мои повара готовят лучше.

— Тогда зачем я?

— Чтобы понять, есть ли у тебя дар. Или это была аллергия.

— А если есть?

— Тогда заберу из моечной. Будешь учиться на повара.

— А если нет?

— Останешься здесь. До смерти. Или пока я не решу, что ты опасна.

Уголёк тихо выругался.

Через полчаса рыба сварилась. Я выловила овощи и хребет, процедила бульон сквозь чистую ткань — единственный свой платок. Добавила филе, нарезанное крупными кусками, варила ещё пять минут — ровно, чтобы рыба стала белой, нежной, но не развалилась. Бросила лаврушку, перец, соль. И масло — кусок в горячий бульон, пошли золотые разводы жира.

Уха засияла. Прозрачная, янтарная, с яркими кусками лосося, с кружочками сладкой моркови. Я разлила по двум мискам — одну декану, вторую себе (на пробу, хотя надеялась, он не съест всё).

Декан взял ложку. Поднёс к губам. Я заметила, какие у него руки — длинные пальцы, чистая кожа, и на безымянном нет кольца. Зачем мне это? Не знаю. Заметил просто.

Он попробовал. Закрыв глаза. На секунду его жёсткое лицо расслабилось — разгладились складки между бровями, чуть дрогнули губы. И я вдруг поняла, что этот мужчина, декан, самый главный в Академии, сейчас поймал то редкое удовольствие, которое ему редко достаётся.

Он проглотил. Открыл глаза.

— Неплохо, — сказал он. — Для объедка.

— Спасибо, я растрогана.

— Я не закончил. — Он отставил миску. — В этой ухе нет

магии. Совсем. Ты умеешь готовить чисто, но это не то. Мне нужен был твой дар. Ты его не показала.

— Вы сказали не колдовать.

— Я сказал не использовать магию. Но настоящий дар проявляется сам, даже если ты не хочешь. У тебя его нет. Ты просто хороший повар. Из объедков.

Он встал. Я смотрела, как он поднимается — широкие плечи, прямая спина, ни капли сутулости. Красивый, недосягаемый, с этими холодными глазами. И справедливый, как ни странно. Он не наказал меня за то, чего не понял. Он просто констатировал факт.

— Завтра придёт повариха с новым котлом, — сказал декан. — Твоё клеймо остаётся. Прощай, Айза.

— Прощайте, — тихо сказала я.

Он ушёл. Не доел уху. Сапоги стучали по камню — уверенно, ритмично, удаляясь.

Я осталась с остывающей миской и с котом, который высунулся из-за пазухи.

— Он дурак, — сказал Уголёк. — Ты волшебница. А он просто дракон, который не умеет признавать ошибки. Упрямый, красивый, с этой широкой спиной — но тупой, как пробка. Давай дожуём, пока не остыло.

— Уверен?

— Уверен. И потом, у нас есть бизнес. Кто он, и кто мы? Мы — «Уголёк Лимитед Корпорейшн». А он — надменный привереда. Плюнь.

Я плюнула в костёр. Костер зашипел и погас.

— Лучше не надо, — вздохнул кот.

Я взяла ложку. Уха была тёплой, жирной, идеальной. Я закрыла глаза и на секунду представила: а что, если бы он остался? Если бы сел напротив и доел вместе со мной? Если бы его тёплые пальцы снова взяли меня за запястье, но не для проверки клейма, а... для чего-то другого?

Глупости. Я объедок. А он — декан.

Но его широкая спина ещё мелькнёт в моей жизни. Я чувствую.

Глава 6. Тайная похлёбка

После ухода декана я просидела в моечной, наверное, вечность.

Уголёк спал у меня на коленях — чёрный, тугой клубок, только медальон на шее тихо пульсировал фиолетовым. В такт дыханию. В такт моему сердцу, которое всё никак не успокаивалось.

В голове крутилось одно: «Ты просто хороший повар. Из объедков».

Хороший повар. Из объедков.

Я посмотрела на свои руки — грязные, в мозолях, с вечно въевшейся жирной каймой под ногтями. Эти руки кормили меня, кота и будут кормить половину общаги. Эти руки чистили котлы, которые никто больше не брался чистить, кроме объедков. И этими же руками я только что накормила самого страшного человека в Академии.

Он назвал мою уху «неплохой».

Для объедка.

— Вставай, — сказала я громко, чтобы перебить эту пластинку в голове. Потрясла кота за загривок. — Уголёк, вставай. Надо работать.

— Чего? — он приоткрыл один глаз. Жёлтый, с вертикальной щёлочкой. — Ты чего, Айза? Декан ушёл. Повариха ушла. Ночь на дворе. Спать надо. А ты «работать». Ненор-

мальная.

— Надо варить суп, — я встала, кот сполз с колен и обиженно приземлился на ящик. — Для нас. И для бизнеса. Мы не накопили ещё на взятку старшему повару.

— Ах да, бизнес. — Уголёк сел, потёр морду лапой. — «Уголёк Лимитед Корпорейшн» не дремлет. Давай, колдуй. Только тихо. И чтобы без свидетелей.

Я выскользнула в общагу — общую комнату для обедков. Три тюфяка на полу, запах пота и капуста. Нисса спала, свернувшись калачиком, остальные тоже. Я на цыпочках собрала остатки: картофельные очистки (их сегодня было много), морковные хвосты, луковую шелуху, обрезки рыбных хвостов — то, что повариха велела выбросить. Всё завернула в грязную тряпицу и вернулась в моечную.

Уголёк уже разворошил угли в очаге.

— Давай, — сказал он. — Сделай магию. Но аккуратно. А то декан, может, не ушёл далеко. У драконов нюх, сам знаешь.

— Не каркай, — буркнула я.

Набрала в бочку воды — холодной, мутноватой, из общего источника. Поставила на огонь. Вода даже не грелась. Медленно, слишком медленно.

Я закрыла глаза.

Фугу. Вспомнила ту рыбу, которую никогда не ела, но чувствовала кожей. Яркое, опасное, почти запретное. Сжала пальцы на краю бочки. И чихнула.

Раз — вода вспенилась. Два — закипела. Три — из глубины поднялись фиолетовые искры и лопнули в воздухе, оставляя аромат озона и мокрой травы.

— Красиво, — шепнул Уголёк.

Я бросила в кипяток очистки. Картофельные шкурки завернулись, будто живые, отдавая воде молочную белизну. Морковные хвосты окрасили бульон в тёплый оранжевый. Луковая шелуха добавила янтаря и терпкой сладости. Рыбные обрезки — ну, эти зашипели, распустили жирные круги, и запах пошёл... нормальный. Почти домашний.

— Мешай, — скомандовал кот, устроившись на ящике как ректор на троне.

Я мешала. Поварёшка ходила по кругу, поднимая со дна клочья будущего супа. Жидкость темнела, становилась гуще. Я добавила соль — горсть, на глаз. Перец — щепотку, тоже на глаз. И каплю той самой фиолетовой магии, только самую маленькую — чтобы вкус стал глубже.

Бульон вспыхнул изнутри, пошёл волнами. На поверхности выступили пузырьки, не обычные, а мерцающие. Я помешала снова — и свечение ушло, оставив после себя аромат, от которого у меня самой потекли слюнки.

— Слушай, — сказал Уголёк через пару минут. — А что, если декан вернётся?

— Зачем он вернётся? — я не отрывалась от котла.

— Мало ли. Забыл что-нибудь. Или решил проверить, не колдуешь ли ты тайно. Он же декан. Они все такие — суют

нос, куда не просят.

— Не каркай, я сказала.

— Я не каркаю. Я — кот. Я мяукаю. Но предупреждаю: если он увидит этот суп, он поймёт, что ты варишь из отходов. И тогда нам крышка.

— Не крышка, а труба, — поправила я, но суп помешивать не перестала.

Через полчаса варево было готово.

Я налила себе полную миску — деревянную, обожжённую по краям. Поднесла к губам. Горячо. Слишком горячо. Подула. Сделала маленький глоток.

По телу разлилось тепло. Не просто физическое — какое-то глубокое, утробное. Бульон был наваристым, с нотками сладкой моркови и горьковатой луковой шелухи. Рыбные обрезки размякли, превратились в нежные, почти мясные волокна. Картофельные очистки отдали всю крахмалистую суть, и суп стал чуть густым — таким, какой бывает только у хорошей хозяйки.

— Пальчики оближешь, — сказал Уголёк, принюхиваясь. Фиолетовый медальон на его шее мигнул раз, другой. — Теперь моя очередь. Наливай, предприниматель.

Я налила и коту — в черепок от разбитой кружки. Уголёк принялся пить аккуратно, по-кошачьи, иногда поднимая голову и довольно жмурясь.

Мы ели молча. Наслаждались теплом. Тем, что никто нас не видит. Тем, что у нас есть общий план и цель.

И в этот момент дверь скрипнула.

Я подняла голову, и ложка застыла у рта.

На пороге стоял декан Альтаир.

В руке он держал нож — тот самый, которым я разделывала рыбу. Длинный, с лезвием голубоватого отлива. Я оставила его на ящике после того, как вытерла и завернула. Забыла. Чёрт. Такая глупая забывчивость.

Но смотрел он не на нож. Он смотрел на мою миску. На пар, который поднимался над супом. На фиолетовое свечение, которое ещё не успело погаснуть до конца — оно дрожало по краям посуды, как тонкая плёнка радуги.

В проёме двери он казался ещё выше. Тёмные волосы растрепались — будто он провёл рукой по голове, что-то обдумывая. На мантии — ни складки, но плечи всё так же широки, спина всё так же пряма. Только лицо... лицо было странным. Не холодным. Скорее — недоумённым.

— Это что? — спросил он голосом, от которого у меня мурашки побежали по спине и выше, до самых корней волос.

— Ужин, — ответила я. Старалась, чтобы голос не дрожал. Получалось плохо.

— Чей?

— Мой. Ну и кота.

Вот так. Просто и честно. Врать бесполезно — он же декан, он видел мой чих, он нюхал мой бульон.

— Кота? — Альтаир перевёл взгляд на Уголька. Кот вжался в ящик, превратившись в чёрный шерстяной блин. Но не

убежал. Смотрел в ответ. Нагло, конечно, по-кошачьи, но с достоинством. — А, это тот самый... Ты его подобрала на помойке?

— Он сам подобрался, — ответила я. — И вообще, он — компаньон. Соучредитель.

Декан усмехнулся. Снова уголком рта. И прошёл внутрь.

В моечной стало тесно. От него пахло уже знакомым — корой старого дуба после дождя. И ещё чем-то металлическим, как от заточенного клинка. Он подошёл к котлу, навис над ним — его фигура перекрыла свет единственной лампы. Заглянул внутрь, понюхал. Потом взял мою ложку — не спросив, не глядя, просто протянул руку — зачерпнул суп и поднёс к губам.

— Не надо! — крикнула я, вскакивая. — Там же... оно из отходов!

Но было поздно.

Он попробовал.

Я замерла. Даже дышать перестала. Уголёк замер вместе со мной — я видела, как его хвост перестал дёргаться.

Декан держал ложку во рту целую вечность. Глаза закрыты. Лицо непроницаемо — ни единой эмоции. Только скулы чуть заострились — будто он что-то пережёвывал не физически, а мысленно.

Потом он открыл глаза.

Жёлтые, холодные, с вертикальными зрачками. Но в них... что-то мелькнуло. Удивление? Или даже испуг? Так

быстро, что я не успела понять.

— В этом супе есть магия, — сказал он. Голос низкий, ровный. — Твоя магия. Фиолетовая. Я чую её даже отсюда, не пробуя.

— Это случайность, — начала я. — Само получилось.

— Не ври мне, Айза. — Он поставил ложку на ящик. Звякнуло громко, как выстрел. — Утром я пробовал твою уху без магии. Она была просто хороша. Доботно. Со вкусом. Эту можно было бы подать на стол ректору. В ней есть сила. Ты — аномалия. Обьедок с даром. Такого не может быть. Но оно есть. Ты есть.

— И что вы сделаете? — спросила я. Кулаки сжались сами собой. В голове пронеслось: эксперименты, подземелья, чешуя драконов.

Декан посмотрел на Уголька. Кот перестал быть блином, выпрямился, сверкнул медальоном.

— Слушай, — сказал Альтаир коту. — Ты, чёрный. Ты знаешь, что она делает?

— Варит суп, — ответил Уголёк. Голос у него был деловой, спокойный. Бизнес, чёрт возьми. — Из того, что есть. Не все здесь, в Академии, драконы, знаете ли. Некоторые вообще не владеют магией. И они хотят есть. Айза их кормит. Бесплатно. Почти.

— Почти? — бровь декана приподнялась.

— Три копейки порция. Но это не бизнес, это благотворительность. Чистая, можно сказать, социальная ответствен-

ность. А мне лично нужны деньги на новый ошейник. С самонагревом. Зимой холодно.

Я чуть не поперхнулась от такой наглости. Но декан... декан усмехнулся. Открыто, впервые за вечер. Не уголком рта, а по-человечески, с прищуром.

— Ладно, — сказал он. — Я сохраню твою тайну, Айза. И про бизнес, и про магию из отходов, и про говорящего кота. Никто не узнает. Но при одном условии.

— Каком? — спросила я, сглотнув.

— Ты будешь готовить для меня. Раз в неделю. Из любых продуктов, каких захочешь. И с магией. Полной. Я хочу видеть, на что ты способна, когда не прячешься.

— А платить? — тут же влез Уголёк. Глаза его горели золотым огнём.

— Заплачу, — декан кивнул. — Драконьими монетами. За каждое блюдо, которое мне понравится, — пять монет.

Я присвистнула про себя. Пять драконьих монет — это пятьсот копеек. Это почти пять годоввход зарплат обедка. Это новый тюфяк, нормальная одежда, лекарства для Ниссы и банка сметаны для кота.

— Согласна, — сказала я, не раздумывая.

— И ещё, — Альтаир поднял палец. Длинный, красивый. — Никто не должен знать. Это наша... , деловая договорённость.

— Тайна? — уточнил Уголёк.

— Я предпочитаю слово «конфиденциальность». Но если

тайна выйдет наружу, я скажу, что вы меня шантажировали. И скормлю драконам обоих. Тебя и кота. Вместе. Как дегу-стационный сет.

Он развернулся — мантия взметнулась — и вышел. Сапоги стучали по камню. В этот раз медленнее, чем утром. Будто ему не хотелось уходить.

Или мне показалось.

Я выдохнула. Села на ящик. Уголёк запрыгнул на колени.

— Уголёк, — сказала я. — Мы богаты.

— Мы в заднице, — ответил кот, но довольно замурлыкал. — Но богаты. Давай готовь ему что-нибудь офигенное. Чтобы не передумал.

— А что, по-твоему, офигенное?

— Рыбу, — кот облизнулся. — С драконьим маслом и той фиолетовой штукой. Но смотри не переборщи. И не забудь про мой гонорар. Десять процентов с каждой монеты.

— Ты ничего не делаешь!

— Я — идейный вдохновитель, — обиделся Уголёк. — И молчаливый партнёр. Ты бы без меня давно сдалась. И специалист по коммуникациям, твой пиар-менеджер, если хочешь!

Я усмехнулась, взяла поварёшку и пошла мыть котёл.

В голове уже крутились рецепты. Рыба с маслом — это просто. А если добавить магии ровно столько, чтобы мясо стало таять на языке? А если приправить чем-то, отчего у этого холодного дракона расширятся зрачки?

Пять монет. Пять драконьих монет за ужин.
Это не просто бизнес.
Это состояние.

Глава 7. Налоговый жмёт

Я проснулась от крика. Не поварихи — хуже. Голос был официальный, противный и пахло от него канцелярским восторгом.

— Всем обедкам построиться! Живо! Проверка!

— Кто это? — прошептала Нисса, вжимаясь в меня.

— Или сборщики долгов, — сказал Уголёк из-за пазухи, — или гастролёры. Но одежда дорогая. Скорее первое.

Мы выползли в общий зал. Там уже выстраивали перепуганных обедков — человек двадцать грязных, тощих и обречённых. Надзиратели бегали вдоль шеренги, дёргали за робы, проверяли клейма, будто мы могли их подделать.

— Я обедок со стажем, — буркнул кто-то сзади. — Моё клеймо старше, чем эти надзиратели.

— Молчать!

В центре зала стояли трое. Чёрные мантии. Золотые драконы на груди. Маленькие очки, большие папки и полное отсутствие чувства юмора. У первого была папка с надписью «Дела», у второго — «Дела важные», у третьего — «Дела очень важные, не трогать».

— Я — инспектор Коготь, — сказал тот, что в центре. Высокий, тощий, с носом-крючком. Он явно оправдывал фамилию. — Это — инспектор Чешуя, это — инспектор Хвост. Мы из налогового управления драконьей канцеля-

рии. Управление по сборам магических пошлин, отдел переработки отходов, подотдел объедков.

— Им зарплату платят за такие названия, — прошептал Уголёк.

— Они пришли забрать наши деньги? — прошептала Нисса, побелев.

— Нет, — ответил кто-то сзади. — Деньги у нас забрали ещё при рождении. Они пришли забрать наши души. И, возможно, почку.

Инспектор Коготь раскрыл папку. Достал пергамент длинной в два моих роста. Начал зачитывать:

— В соответствии с указом номер 1361/Д «О пошлине за переработку магических отходов, а также за использование магии в неразрешённых целях лицами, не имеющими лицензии»...

— Там ещё что-то про бабушек было, — подсказал инспектор Чешуя.

— Не перебивай. ...все объедки, замеченные в колдовстве, даже случайном, даже во сне, даже чихнувшие магией, и чистившие от магии котлы обязаны уплатить налог за использование магии отходов в размере... — он сделал паузу, чтобы мы все умерли от ожидания, — пятой части от всех накоплений за прошедший период.

— Каких накоплений? — вырвалось у меня.

Я тут же прикусила язык. На меня посмотрели. Все три инспектора.

— Тех, которые у вас есть, — ответил Коготь, глядя поверх очков. Очки у него были квадратные, маленькие, и в них отражалась моя жалкая, перепуганная физиономия. — Каждый обедок имеет сбережения. Мы проверили.

— Как? — спросил кто-то из строя. — Мы же ничего не храним.

— Мы перетрясли ваши тюфяки, — любезно сообщил инспектор Хвост. — И заглянули под половицы. И в щели. И в подолы. Не волнуйтесь, всё законно. У нас есть ордер.

— Ордер на что?

— На перетряхивание. Подписан лично. Драконом.

Инспектор Коготь зачитал цифры:

— Средняя накопленная сумма по отделению обедков — двенадцать копеек на нос. Пятая часть — две с половиной копейки. Просьба оплатить до конца недели. Квитанции получите у моих коллег.

В шеренге началось тихое волнение.

— У меня нет двенадцати копеек, — сказала старуха из конца строя. — У меня восемь. Я их на похороны откладывала.

— Значит, вы должны две с половиной копейки. Если у вас восемь, вы платите три копейки. Сдачу не даём, округление в пользу бюджета.

— Это грабёж! — крикнул тощий парень слева.

— Это налог, — ласково объяснил инспектор Чешуя. У него была круглая мордочка и масляные глазки. — Чувству-

ете разницу? Грабёж — это когда приходят плохие дяди с ножами. А мы — хорошие дяди с бумажками. И драконы за спиной.

— У нас даже копеек нет! — заныл кто-то сзади.

— Тогда можете отдать долг работой, — сказал инспектор Хвост, который до этого молчал и страшно улыбался. — Например, почистить туалеты на верхнем уровне. Там драконы уборные. Говорят, очень познавательно.

— Я лучше заплачу, — быстро сказала старуха и сунула руку за пазуху.

— Вот и славно.

Уголёк за пазухой зашевелился. Я чувствовала, как его коготки впиваются мне в ребра.

— Айза, — прошептал он. — Это катастрофа. Тысячелетняя катастрофа. Кто-то стукнул про наш бизнес. Я знал, нельзя доверять Ниссе. У неё слишком честные глаза.

— Нисса спалит нас только если её пытаться, — прошептала я в ответ.

— А её пытаться никто не будет?! Ты видела этих троих? Они пришли с папками! С тремя папками!

Инспекторы тем временем ходили вдоль строя и раздавали бумажки. Квитанции были фиолетового цвета — мой любимый цвет магии. Ирония судьбы.

— Это ваши долговые расписки. Оплатить в кассу на первом этаже. Часы работы: с двух до двух пятнадцати по вторникам и с четырёх до четырёх пятнадцати в пятницу, если

пятница приходится на чётное число, а луна в фазе роста. Если нет — перенос на следующую среду.

— То есть время приёма — пятнадцать минут в неделю? — не поверила Нисса.

— А вы хотели, чтобы государство работало больше? — удивился инспектор Хвост. — Вы ещё скажите, чтобы мы в выходные сидели. У нас, знаете ли, тоже личная жизнь. Жёны, драконицы, маленькие дракончики.

— У вас есть жёны? — спросил тощий парень.

— Есть. И мы с вас налоги собираем, чтобы их содержать. Так что не подводите.

Когда троица ушла — гордо, с папками наперевес, — в моечной воцарился хаос. Кто-то плакал. Кто-то матерился сквозь зубы. Кто-то пересчитывал копейки на ладони, перебирая их как чётки.

— Айза, — Нисса подошла ко мне. — У меня только три копейки было. Я их тебе отдала за суп.

— Ничего, — сказала я, хотя внутри всё похолодело. — Суп ты съела, деньги мы вернём.

— Как?

— Бизнес, — коротко ответил Уголёк, высовывая нос на миллиметр. — Расширение. У нас новый инвестор.

— Кто?

— Неважно. Главное, он платит монетами, а не копейками. И у него широкая спина.

Я прижала кота обратно. Широкая спина — это хорошо,

но если декан узнает, что я обсуждаю его спину с объедками, он меня скормит драконам быстрее, чем налоговики заберут последнюю копейку.

Вечер. Моечная. Стратегический совет.

Все спали. Нисса свернулась калачиком на тюфяке, иногда всхлипывая во сне. Остальные объедки тихо ныли, даже бессознательно. Я пробралась в моечную, зажгла единственную свечу (украли у поварихи), и мы с котом сели на ящик.

— Итак, — сказал Уголёк, расхаживая передо мной как генерал перед картой. Шерсть дыбом, хвост трубой. — Проблема номер раз: налог. Они хотят пятую часть от всех накоплений. Но у нас накоплений — кот наплакал.

— Я, между прочим, не плакал.

— Это фигура речи. Слушай дальше. Если мы начнём зарабатывать, они придут снова. Через месяц. Увидят, что у нас есть монеты. Заберут пятую часть. Это бесконечный цикл.

— Как жизнь, — вздохнула я.

— Не умничай. Я предлагаю: мы перестаём копить деньги.

— То есть?

— Мы их тратим. Сразу. Как только декан заплатит нам пять монет — тут же покупаем что-нибудь. Например...

— Новую кастрюлю, — подхватила я.

— Нормальные продукты, — вдохновился кот. — Взятку поварихе, чтобы она не стучала. Или...

— Или...

— Или новую лежанку для меня, — закончил Уголёк мечтательно. — Из натуральной драконьей кожи. Я слышал, она очень тёплая.

— Ты будешь спать на драконьей коже? А если тот дракон узнает?

— Я скажу, что это искусственная. Они всё равно не разбираются.

Я задумалась. План был идиотским, но другого не было.

— Налоговики берут только наличные? — уточнила я.

— Только то, что можно пересчитать. Покупки не трогают. Это пробел в законодательстве.

— Откуда ты знаешь про пробелы?

— Я кот. Я сплю на документах поварихи. Там много интересного. Например, она должна налоговой три золотых за прошлый год. Так что ей тоже не поздоровится.

— Злорадство — нехорошее чувство.

— А я не злорадствую. Я просто констатирую факты. С чувством глубокого удовлетворения.

Я усмехнулась. Уголёк был прав. Мы слишком мелкие, чтобы налоговики занялись нами всерьёз. Скорее всего, они просто отчитаются о проверке, получают премию и забудут.

— А если они узнают про покупки? — спросила я.

— Узнают, но позже. Через месяц-другой. А потом мы уже будем далеко.

— Куда далеко? Мы привязаны к Академии клеймом.

— Тогда будем богатыми в жизни, но бедными на бумаге. Откроем счёт в банке гномов. Гномы налоги не платят.

— Ты гномов когда-нибудь видел?

— Я — кот. Я видел всё.

Разговор перешёл в деловое русло. Уголёк достал из-под ящика замусоленную тряпицу — нашу бухгалтерию. На ней были нацарапаны цифры: «3 коп. (Нисса)», «долг: 0», «бизнес: +100500 в перспективе».

— Если декан заплатит пять монет, это пятьсот копеек, — подсчитал кот. — Пятая часть — сто копеек, то есть одна монета. Мы отдадим одну монету налоговикам, а остальные четыре потратим. Купим...

— Новую кастрюлю, — повторила я. — И нож. Хороший нож. Не драконий, но чтобы резал. И продукты.

— И лежанку мне.

— И лежанку. Но сначала продукты.

— Ты жестокая, — вздохнул Уголёк. — Ладно. А если декан не заплатит?

— Заплатит. Он сказал «пять монет за блюдо». Он — декан. Деканы не врут.

— Драконы не врут, — поправил кот. — Но они могут передумать. У них привилегия.

— Тогда будем думать дальше.

Я взяла поварёшку. За окном (если щель в стене можно назвать окном) темнело. Пора было готовить — для себя, для кота, для Ниссы, которая привела новых клиентов.

— Айза, — сказал Уголёк, глядя, как я чищу картошку. — А если мы будем платить налог не деньгами, а супом? Может, они согласятся на бартер?

— Ты серьёзно?

— А почему нет? У нас нет денег. Зато у нас есть суп — вкусный, магический, с фиолетовым отливом. Древняя форма торговли. Ещё до изобретения копеек люди меняли суп на шкуры.

— Люди меняли шкуры на суп?

— Ну, или суп на шкуры. Неважно. Главное — бартер.

— Коготь и его коллеги придут за копейками, а получают миску баланды. Ты их видел? У них глаза как у пылесосов — всё втягивают, ничего не отдают.

— Жаль, — кот облизнулся. — Тогда придётся платить монетами. Но после того, как отдадим декану обед. И купим лежанку.

Я закипятила воду. Чихнула — фиолетовые искры рассыпались по бульону. Запах пошёл такой, что даже налоговики, наверное, облизнулись бы там, у себя в канцелярии, пересчитывая чужие копейки.

Мешала суп и думала. О налогах. О драконах. О широкой спине декана, который вдруг стал моим тайным клиентом. О том, что жизнь — она как этот бульон: сначала мутная и из отходов, а если добавить правильную магию — засияет и согреет.

— Айза, — сказал Уголёк, поймав мой взгляд. — Суп го-

тов. Давай есть, пока не пришли налоговики и не обложили пошлиной каждую ложку. И каждый чих. И каждый вдох.

— Они и на вдох могут налог придумать, — вздохнула я.

— Тогда будем дышать через раз. Экономно.

Я усмехнулась и налила ему полную миску.

Налоги подождут.

А суп — нет.

Глава 8. Салфетка

После визита трёх налоговых крючкотворов объедки ходили мрачнее грозовой тучи. Даже Нисса, которая обычно сияла как медный таз, сидела в углу и пересчитывала свои жалкие копейки. Снова. В десятый раз.

— Нисса, ты чего? — спросила я, подсаживаясь к ней. Уголёк тут же выглянул из-за пазухи — тоже хотел новостей.

— Считаю, — она шмыгнула носом. — Если отдать пятую часть — вообще ничего не останется. Вообще. Ни копейки. Даже на хлеб. А хлеб я люблю.

— На хлеб мы тебе дадим, — сказал Уголёк деловито. — Ты же акционер, забыла?

— Акционер чего? — Нисса уставилась на кота, как на говорящую репу.

— «Уголёк Лимитед Корпорейшн». Крупнейший поставщик супа из отходов в данном подземелье. Ты внесла первый взнос — три копейки в уставной капитал. Поздравляю, ты теперь совладелец.

— Я... совладелец? — Нисса моргнула. — Кота?

— И Айзы, — поправил Уголёк. — Кот — это бренд. Я — лицо компании. Точнее, морда.

Нисса посмотрела на меня как на сумасшедшую. Я развела руками.

— Он всегда такой, — вздохнула я. — Но бизнес-план у

нас есть. Почти.

— Какой план?

— Вот, — я вытащила из кармана грязную тряпицу — её мы нашли утром в отходах, оттерли, и она стала просто грязной, а не мокрой. — Это салфетка. На ней стратегия.

— Вы написали бизнес-план на салфетке? — глаза Ниссы стали круглыми, как две копейки.

— Не «вы», а «я», — гордо выпрямился Уголёк. Когтем почесал за ухом. — Это не просто салфетка. Это наша дорожная карта к богатству, свободе и рыбе. Смотри.

Он развернул тряпицу. Кривые буквы (кот писал лапой — вы сами попробуйте, когда у вас когти) гласили:

1. Варить суп из мусора (бесплатно).

2. Продавать объедкам: 3 коп. — половник, 5 коп. — с хлебом.

3. Копить на взятку поварихе (чтобы не спалила).

4. Когда разбогатеем — свалить из Академии на все четыре стороны.

5. КУПИТЬ РЫБУ! (Это личное, не лезьте).

— Пункт пять — мой бонус, — пояснил Уголёк с достоинством. — Я тут главный риск-менеджер, имею право на мотивацию.

— Но это не план, — сказала Нисса, внимательно изучив салфетку. — Это список хотелок. План должен быть с цифрами. И сроками. И ответственными.

— О, у нас появился финансовый аналитик! — кот аж подпрыгнул. — Садись, пиши. Салфетка большая, места много.

Нисса вздохнула, взяла уголёк (настоящий, из костра, который не разговаривал) и начала строчить прямо на тряпке.

— Итак. Вводные: отходы — бесплатно. Вода — бесплатно. Твой чих, Айза, — бесплатно. Себестоимость порции — ноль. Продаём по три копейки. Если в день брать хотя бы десять клиентов — это тридцать копеек.

— Десять? — усомнилась я. — В общаге всего двадцать обедков. У многих нет даже трёх копеек.

— Значит, сделаем систему лояльности, — влез Уголёк. — Каждая десятая порция — бесплатно. Или скидка для пенсионеров. Или корпоративные обеды для надзирателей. Они жирные, много едят, хорошо платят.

— Надзиратели нас сдадут поварихе, — возразила Нисса. — У них с ней договорняк.

— Тогда сосредоточимся на обедках, — решил кот. — Считаю дальше.

Нисса продолжила:

— За месяц при десяти клиентах в день — девятьсот копеек, то есть девять монет. За год — сто восемь монет.

— Даёшь рыбу! — взвизгнул Уголёк. — Я же говорил!

Стратегический запас!

— Подожди, — я подняла руку. — А налоги? Если налоговики узнают про наш бизнес, они обложат пошлиной каждую порцию. И тогда никакой рыбы, даже кильки вонючей не останется.

Уголёк зашагал по ящику туда-сюда, цокая когтями. Потом остановился.

— Слушайте сюда, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Пока у нас нет официальных доходов. Вообще. Мы только копим под матрасом на взятку поварихе. Никакой отчётности, никаких деклараций.

— А если налоговая прознает?

— Не прознает, — отрезал кот. — Во-первых, мы работаем ночью. Во-вторых, клиенты — свои. В-третьих, я буду следить, чтобы никто не проболтался. А если всё-таки узнают... — он махнул лапой, — тогда и будем решать. Проблемы надо решать по мере их поступления. А не придумывать их на пустом месте.

— То есть ты предлагаешь просто ничего не платить и надеяться, что не поймают? — уточнила Нисса.

— Я предлагаю не платить, пока не заставят. А заставят — тогда что-нибудь придумаем. Может, подкупим их супом. Или сбежим. Или скажем, что это благотворительность.

— Ты гений, — усмехнулась я.

— Я кот. Это разные категории. Но да, гений.

Нисса задумалась, потом кивнула.

— Ладно. Договорились. Салфетку — под половицу и помалкиваем.

— И главное — никаких следов, — добавил Уголёк. — Доходы не храним в одном месте. Часть — в кармане у Айзы, часть — у Ниссы, часть — под моей лежанкой.

— У тебя нет лежанки.

— Тогда под ящиком.

В этот момент входная дверь скрипнула.

Мы замерли все трое, как соляные столпы. Нисса сунула салфетку за пазуху. Я схватила поварёшку и сделала вид, что скребу котёл. Уголёк — молнией в щель.

Вошла повариха. Одна, без свиты. Лицо не предвещало радости.

— Новенькая, — она ткнула пальцем в меня. — Декан велел передать: завтра в полночь ждёт тебя на верхней кухне. Будет проверять твоё мастерство. Второй раз.

— Зачем? — вырвалось у меня.

— Затем, что он главный. Ему виднее. И чтобы без кошащих. Скажи спасибо, что он вообще даёт тебе шанс. Если бы не он, я бы тебя отсюда вышвырнула вместе с твоим котом, но он замолвил за тебя словечко и за твоего кота.

— Поняла. Спасибо декану.

Повариха обвела взглядом моечную, приняхалась, ничего не нашла и ушла. Дверь грохнула.

Мы выдохнули все трое.

— Уголёк, вылезай.

Кот вылез, отряхнулся, фыркнул.

— Слышал. Завтра в полночь. Ответственный момент.

— Что мне готовить? — я повернулась к Ниссе.

— То, что ты любишь сама, — серьёзно сказала Нисса.

— И добавь магии. Ровно столько, чтобы он обалдел, но не подумал, что жульничаешь.

— А если не получится?

— Получится, — Уголёк лизнул лапу. — Ты аномалия. А аномалии всегда выкручиваются.

— Откуда такая уверенность?

— Если не выкрутишься — кто меня рыбой кормить будет?

Я вздохнула, взяла поварёшку и посмотрела на салфетку, торчащую из кармана Ниссы.

Бизнес-план. Конспирация. Налоги, которых мы пока не платим. И кот, верящий в меня только ради рыбы.

Но почему-то я не боялась.

Может, потому что в груди у меня, под робой обьедка, горел фиолетовый огонь. Тот самый, о котором налоговики не знают. Пока не знают.

А завтра узнают все. Или никто.

Глава 9. Пять монет за суп

Ровно в полночь я стояла на верхней кухне академии. Одна. Без кота. Потому что «никаких кошачьих» — строго-на-строго приказала повариха, и её тон не допускал возражений.

Но Уголёк, конечно, не послушался. Он сидел у меня за пазухой, затаив дыхание — в прямом смысле. Я его почти не чувствовала. Почти — потому что медальон иногда предательски вспыхивал фиолетовым, просвечивая сквозь грубую ткань робы, как маленький маячок в ночи.

— Не дыши, — прошептала я, стараясь не шевелить губами.

— Я и не дышу, — еле слышно ответил кот, одними губами — если у котов вообще есть губы. — Экономлю кислород для твоего позора.

— Спасибо, вдохновил. Прямо крылья выросли.

— Крылья тебе не нужны. Тебе нужна хорошая кастрюля и пять минут тишины. А ещё удача. Лови её, пока я молюсь, чтобы ты не чихнула в сторону декана.

Верхняя кухня оказалась огромной — раза в четыре больше нашей моечной, хотя и не такой унылой. Белые плиты из полированного камня, блестящие котлы, которые отражали свет десятков магических светильников. Ножи сами летали по воздуху, нарезаая овощи тончайшими ломтиками — ни-

кто не дёргал их за рукоятки, они просто работали, как замороженные. Полы сияли чистотой, в углах стояли вазы со свежими травами, а отовсюду тянуло имбирём, корицей и свежей зеленью.

Мои ресторанные годы — двадцать лет у плиты — вдруг вспомнили себя и чуть не расплакались от ностальгии. Вот она, настоящая кухня. Не помойка. Не вонючие отходы. А место, где продукты уважают.

— Красиво, — прошептала я, оглядываясь.

— Дорого, — поправил кот, и его голос прозвучал как финансовый отчёт. — Слушай, Айза, если декан предложит тебе здесь работать — не соглашайся. Ни в коем случае.

— Это почему же?

— Потому что у нас бизнес на нижней кухне. «Уголёк Лимитед Корпорейшн» только встаёт на крыло, а ты уже хочешь продаться? Не-а. Мы сами себе шеф-повара. И не продаёмся за красивые плиты.

— Я не продаюсь, я инвестирую. В своё будущее. И в твою рыбу.

— Вот рыба — это святое. Но сначала давай посмотрим, что этот холодный дракон нам предложит.

В дверях появился Альтаир.

Сегодня он был без торжественной мантии — в простой чёрной рубашке с закатанными до локтей рукавами, и без этого он выглядел почти как человек. Почти — потому что глаза всё равно оставались жёлтыми, с вертикальными зрач-

ками, которые сужались и расширялись в зависимости от освещения. Как у кота. У крупного, опасного кота, который привык, чтобы ему подчинялись.

— Ты пришла, — сказал он, и в его голосе не было ни удивления, ни одобрения — только констатация факта.

— Меня не спрашивали, — ответила я, стараясь говорить ровно, хотя колени немного дрожали. — Повариха сказала «придѣшь» — я пришла.

— Это правильно. Я принёс продукты.

На огромном разделочном столе стояла плетёная корзина, накрытая льняной салфеткой. Альтаир откинул её — и я увидела. Свежая рыба, ещё влажная, с прозрачными глазами и серебристой чешуёй. Овощи — морковь, лук, корень сельдерея, початок молодой кукурузы. Бутылка густых сливок в глиняном кувшине. И несколько маленьких баночек со специями, на которых были написаны названия, от которых у меня защемило сердце: шафран, розмарин, тимьян, мускатный орех.

— Сегодня будешь готовить суп-пюре из лосося, — сказал декан, скрестив руки на груди. — Я хочу увидеть, как ты колдуешь. Не просто чихаешь, а именно колдуешь — осознанно, с намерением.

— Я не колдую, я чихаю. Это аллергия. На драконов.

— На драконов не бывает аллергии. Бывает страх. Или неуважение, — его зрачки сузились до тонких щёлочек. — Но с тобой я готов потерпеть. Давай, чихни как следует.

Я посмотрела на рыбу. Красивая, оранжево-розовая, свежая — такая, какую в прошлой жизни я подавала только самым важным гостям. Жалко было портить её магией. Но декан ждал, и его жёлтые глаза не обещали пощады в случае отказа.

— Ладно, — я взяла в руки нож. Тот самый, магический, с голубоватым отливом. Лезвие вошло в рыбу как в масло, и я на минуту забыла обо всём.

Чистка, разделка, отделение филе от костей — всё это было как медитация. Мои руки — чужие, тонкие, без мозолей — вдруг вспомнили движения, которые я вбила в них за двадцать лет. Чешуя слетала хлопьями, кости выходили ровно, без единого заусенца.

— Ты умеешь резать, — заметил декан, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на уважение.

— Шеф-повар, — буркнула я, не поднимая глаз.

— Был. Теперь — объедок. С клеймом и без права на нормальную жизнь.

— Вы решили меня оскорблять или наблюдать? Я готовить пришла, а не на психотерапию.

Альтаир усмехнулся — одними уголками губ, но это всё равно был прогресс.

— Сначала посмотрим, что ты приготовишь. Потом решу.

Я закипятила воду. На этот раз — обычную, на плите, без магии, потому что декан стоял в двух шагах и явно ждал момента, когда я сорвусь. Рыбу отправила в кипяток цели-

ком, на костях — для навару. Добавила овощи крупными кусками, чтобы не разварились в кашу. Помешала деревянной ложкой, которую нашла в подставке.

Декан смотрел молча, не комментировал. Только зрачки его слегка расширились — то ли от любопытства, то ли от голода.

— А где магия? — спросил он, когда суп начал закипать и приобретать золотистый оттенок.

— Будет, — ответила я, стараясь не нервничать. — Не торопите шеф-повара. Испорчу блюдо — вы же меня казните.

— Казнить не буду. Сормлю драконам. Есть разница.

— Не очень большая, если честно.

Суп варился. Пахло уже почти готовым — морем, овощами, лёгкой сладостью от кукурузы. Я сняла пену, убавила огонь, достала рыбу, отделила мякоть от костей и вернула её обратно. Добавила сливки, взбила венчиком до однородной консистенции.

И в этот момент я закрыла глаза.

Перед мысленным взором возник Марат. Его улыбка, когда он подавал мне ту самую фугу. Идеальный вкус. Идеальная отравка. Мои 98 килограммов, которые остались в том мире, вместе с рестораном, доверием и жизнью.

Злость обожгла грудь. Я открыла глаза, чихнула — и капля фиолетового света сорвалась с губ, упав прямо в кастрюлю. Суп полыхнул, забулькал, и вдруг запах стал таким, что у меня самой слюнки потекли. Грибы, лес, костёр, детство,

первый заработанный рубль — всё смешалось в этом паре.

— Готово, — сказала я, вытирая лоб рукавом.

Декан взял ложку, зачерпнул, подул и попробовал.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Тишина затянулась на минуту. На две.

Уголёк за пазухой завозился — я прижала его локтем, чтобы не вылезал.

— Плохо? — спросила я, когда молчание стало невыносимым.

— Нет, — Альтаир поставил ложку на стол. — Это лучше, чем прошлый раз.

— В прошлый раз вы сказали, что у меня суп без магии.

— Сегодня — с магией. И с горечью. Что ты вспомнила?

— Свою прошлую жизнь, — ответила я честно.

— Она была тяжёлой?

— Вкусной, — я посмотрела ему в глаза. — Пока ученик не отравил меня рыбой фугу и не отправил в это место.

Декан ничего не сказал. Только достал из кармана кожаный кошелёк и высыпал на стол пять серебряных монет. Драконьи, с отчеканенными ящерами и коронами. Пять монет — пятьсот копеек. Мечта любого объедка.

— Твои. За работу. В следующий раз приготовь что-нибудь с мясом.

— У нас нет мяса. Мы объедаки.

— У меня есть, — он пододвинул кошелёк поближе ко мне. — Купи на рынке. И не вздумай использовать отходы

— я почувствую.

— Обязательно куплю. И спасибо, что не скормили драконам.

— Не благодари. Мне нужен результат, а не твоя благодарность, — он помолчал, затем добавил, понизив голос: — И запомни, обедок. Никто не должен знать, что ты готовишь для меня. Ни твои товарищи по моечной, ни кот. Ни одна живая душа. Если узнаю, что проболталась — скормлю драконам. Всех. Тебя, кота и тех, кто был рядом.

— А если кот сам проболтается? — спросила я.

— Кот сначала станет моим ужином, — Альтаир посмотрел мне за пазуху. — Я чувствую его дыхание. И фиолетовый медальон. Скажи своему фамильяру, что он на тонком льду.

Уголёк напрягся, но промолчал. Умный кот.

Декан ушёл. Я выдохнула.

— Уголёк, вылезай.

Кот вылез, отряхнулся, сначала хотел что-то съязвить, но передумал.

— Слышал. Молчок. Ни слова. Даже Ниссе.

— Особенно Ниссе. Она не умеет врать. И спать умеет — как удачно, что она сейчас спит.

— А если проснётся и увидит монеты? — спросил кот.

— Скажем, что нашли в отходах.

— Она поверит?

— Она хочет есть, а не расследовать. Поверит.

Я сунула монеты в тайный карман, прихватила остатки су-

па (на пробу) и на цыпочках выскользнула с верхней кухни.

В моечной было темно. Нисса спала на нарах, свернувшись калачиком. Я тихонько села на ящик, достала монеты, полюбовалась, как они блестят в свете масляной лампы. Уголёк устроился рядом.

— Пять монет, — прошептала я. — Никто не знает. Никто не должен знать.

— Если Нисса проснётся, делай вид, что это закладка для книги, — сказал кот.

— У нас нет книг.

— Тогда просто быстро прячь.

В этот момент Нисса села.

— Айза? — сонно спросила она, моргая. — Ты чего не спишь? И чего у тебя блестит?

— Монеты, — ляпнула я, потому что врать на ходу не умела.

— Какие монеты? — она протёрла глаза и уставилась на блестяшки. — Покажи.

Я растерянно посмотрела на Уголька. Кот вздохнул, подошёл к Ниссе и сказал торжественно:

— Нисса, ты хороший человек. Но в разведку с тобой не пойдут.

— Почему? — она обиделась.

— Во-первых, потому что ты спишь как бревно. Прспишь и опасность, и сигнал к отступлению. Во-вторых, потому что, когда просыпаешься, сразу начинаешь задавать во-

просы вместо того, чтобы сделать вид, что ничего не видела. А в разведке главное — вовремя закрыть глаза и отвернуться.

— Это ты про то, что я любопытная? — Нисса насупилась.

— Это я про то, что если мы тебя посвятим в тайну, то через день о ней будет знать вся моечная. А через неделю — налоговая. А через месяц нас скормят драконам. Всем скопом. Включая тебя.

— Я никому не рассказываю! — возмутилась Нисса.

— Ты уже рассказала. Своим вопросом. Молчание — золото. А ты медный таз, который звенит.

— Грубо, — обиделась Нисса.

— Безопасно, — отрезал кот. — Так что давай досыпай. И забудь про монеты. Их не было. Ты видела сон.

— Но я...

— Сон, — повторил Уголёк, и его глаза на секунду блеснули красным. — Не заставляй меня переходить к мерам воздействия.

Нисса вздохнула, натянула робу на голову и отвернулась к стене.

— Ладно, — буркнула она из-под тряпья. — Молчу. Но я всё равно знаю, что это был не сон.

— Знать — не значит рассказывать, — философски заметил кот. — Учись держать язык за зубами. Это экономит тебе жизнь. И нам тоже.

— Ты жёсткий, — прошептала я.

— Я кот, живущий на помойке с риском быть съеденным драконом. Каким мне ещё быть? Мягоньким и пушистым? Это только в рекламе корма.

Мы помолчали. Нисса через минуту засопела — на этот раз по-настоящему, а не притворно.

— Уголёк, — сказал я. — А что мы скажем другим объедкам, когда они захотят купить суп? Они же видят, что у нас есть еда.

— Скажем, что нам везёт. Что отходы иногда сами превращаются в похлёбку. Это почти правда. Ты только чихаешь, а дальше — тайна природы.

— Ты гений конспирации.

— Я финансовый директор. Конспирация — часть моей работы. А теперь давай займёмся делом. Клиенты ждут.

Мы сварили суп. Тихо, без свидетелей. Уголёк следил, чтобы никто не зашёл. Я чихала фиолетовым и мешала поварёшкой. Те два объедка, которые уже стали постоянными клиентами, пришли, заплатили по три копейки, съели и ушли, даже не спросив, откуда взялась горячая еда. У них хватило ума не задавать лишних вопросов.

— Айза, — сказал Уголёк, когда все разошлись. — У нас уже пять монет и почти двадцать копеек мелочи. Это серьёзный капитал.

— Что будем делать? — спросила я.

— Первым делом — купим нормальную кастрюлю. Не дырявую, не ржавую. Таковую, чтобы суп не вытекал на пол. Вто-

рым — нож. Третьим — немного рыбы. Для вдохновения.

— А налоги?

— Какие налоги? — кот прищурился. — Нет бизнеса — нет налогов. Мы просто варим суп для себя и изредка угощаем соседей за символическую плату. Которая нигде не учтена.

— Это называется чёрный нал, — заметила я.

— Это называется разумная конспирация в условиях драконьего произвола, — поправил Уголёк. — А теперь давай спать. Завтра четвёртый котёл. И новые приключения.

Я легла, укрывая кота полой робы. Он замурлыкал.

— Айза, — сказал он сонно. — Ты заметила, какие у декана холодные глаза?

— Заметила.

— Но суп ему понравился. Может, он не такой ледяной, как кажется.

— Или просто голодный.

— Или просто голодный, — согласился кот. — Спокойной ночи, партнёр. И помни: деньги не главное. Главное — чтобы налоговая не узнала.

— А рыба?

— Рыба — это святое. Но без конспирации и рыбу отберут.

Я закрыла глаза и подумала: пять монет, тайна, декан с жёлтыми глазами и кот, который строит бизнес на помойке. Жизнь становится всё интереснее.

Визуал главы 9.

Глава 10. ИП

«Объедок и партнёры»

Утро началось с того, что Уголёк сидел у меня на груди и дышал мне в лицо. Не романтично, если вы подумали. Кислород закончился, а вместе с ним — и моё терпение.

— Айза, — сказал кот голосом, от которого у меня зачесалось в носу (и это была не магия). — Вставай. У нас проблема. Вчера, пока ты дрыхла и видела сны про пельмени, я подслушал разговор под дверью драконьей палаты.

— Ты подслушиваешь под дверями? — спросила Нисса, которая уже сидела на нарах и завязывала робу.

— Я веду промышленный шпионаж, — поправил Уголёк. — Это разные вещи. В общем, драконы приняли новый указ. Цитирую с кошачьей точностью: «О налогообложении подпольной предпринимательской деятельности среди объедков, а также лиц, приближённых к мусорным бакам». Штраф — двадцать монет. Или на корм драконам. Оптом.

— Двадцать монет — это две тысячи копеек, — я села, скинув кота на солому. — У нас есть пять монет от декана и двенадцать копеек от объедков. Три от Ниссы. Итого пятьсот пятнадцать. До штрафа как до луны с ведром на голове.

— Поэтому надо легализоваться, — сказал Уголёк, доставая из-под ящика мятый лист. — Я тут набросал биз-

нес-план. Всю ночь не спал, писал. Вот, смотрите.

Я взяла лист. На нём были нацарапаны когтями кривые буквы:

1. Пойти в драконью палату (не нить по дороге).

2. Заполнить формы (кровью, если надо).

3. Заплатить пошлину (неизвестно сколько).

4. Получить печать (железная, тяжёлая).

5. Торговать легально (Собирать прибыль и в ус не дуть).

— Гениально, — сказала Нисса, прочитав. — Пункт «не нить» особенно.

— Я гений, — скромно подтвердил кот. — Идём?

Повариха в это время ушла на верхнюю кухню проверять студенческие обеды — идеальное «окно возможностей», как выразился Уголёк. Мы выскользнули в коридор и потопали в главное здание академии.

Драконья палата находилась на третьем этаже, в комнате с табличкой «Не чихать на формуляры — это штрафуется». Охранял её дракон с хвостом. Не с хвостом, а с ХВОСТОМ — таким длинным, что он обвивал его ногу, словно боялся, что хвост сбежит.

— Нам к инспектору Когтю, — сказала я.

— Третий этаж, комната сто тринадцать. Если застрянете

в лифте, ждите помощи, не пытайтесь выбраться самостоятельно — там штраф за порчу имущества.

Лифта не было. Мы поднялись пешком.

Комната сто тринадцать оказалась маленькой, душной и заваленной бумагами. За столом сидел пухлый дракон с усами, которые свисали до самой клавиатуры. На груди — бейдж: «Инспектор Коготь Драконович, специалист по отчаянию и налоговым сборам».

— Какой вопрос? — спросил он, даже не поднимая головы.

— Нам нужно зарегистрировать ИП, — сказала я дракону за стеклянной перегородкой.

— ИП? — он поднял бровь. — Кто регистрирует?

— Я. Айза. Обьедок.

— Обьедок? — дракон чуть не поперхнулся. — У нас таких прецедентов не было.

— А вы создайте, — посоветовала я, просунув голову в стеклянное окошко.

Дракон ушёл совещаться. Через полчаса вернулся с кипой бумаг.

— Род деятельности?

— Общественное питание.

— Адрес?

— Моечная номер четыре. Нижний подвал. Там, где котлы и крысы.

— Фамилия?

— Нет.

— Отчество?

— Откуда? Я объедок.

Инспектор поднял глаза. Посмотрел на меня, на Ниссу, на мою грудь, где подозрительно шевелился кот.

— Это с вами кто? — спросил он, показав когтем на фиолетовый отсвет из-под робы.

— Финансовый директор, — выдохнул Уголёк, высовывая нос. — И налоговый консультант. Не обращайтесь внимания, я просто мимо проходил.

— У нас регистрация только для физических лиц, — сухо сказал Коготь.

— А я физическое лицо, — возмутился кот. — У меня есть туловище, лапы, хвост и усы. К тому же я умею мурлыкать и приносить крыс. Этого недостаточно для налоговой декларации?

Дракон вздохнул так, что у нас засвистело в ушах.

— Имя предприятия?

— «Уголёк Лимитед Корпорейшн», — гордо ответил Уголёк.

— Полное название?

— «Уголёк Лимитед Корпорейшн и общество с ограниченной ответственностью “Суп-экспресс — доставка по подвалу”».

— Слишком длинно, — отрезал инспектор. — Влезает только три буквы.

— Тогда «УЛК».

— Что это значит?

— Уголёк, Лимитед, Кот.

— А где Обьедок?

— Айза — это бренд, — объяснил кот. — Мы напишем её имя мелким шрифтом на обороте, где положено.

— Пишите «ИП Обьедок и партнёры», — сказал Коготь, чтобы не спорить с котом.

Мы взяли бланки. Три экземпляра. Инспектор пододвинул иглу.

— Подпись заверить кровью. Чернила стоят две монеты — это двести копеек. Кровь — бесплатно, но больно.

— У нас нет двух монет, — сказал Уголёк. — Будем писать кровью.

Я уколола палец. Нисса уколола палец. Уголёк почесал лапу и тоже капнул — откуда-то из-под когтя. Кровь у него оказалась фиолетовой, как его магия.

— Это нормально? — спросил инспектор.

— А вы аллергией не страдаете? — ответил кот вопросом на вопрос.

Мы заполнили формы. Название: «ИП Обьедок и партнёры». Род деятельности: кулинарная переработка вторичных ресурсов. Уставной капитал: пять монет (пятьсот копеек) — вносится деньгами. Регистрационный сбор: пятнадцать копеек. Итого: пятьсотпятнадцать.

— Это же всё, что у нас есть! — воскликнула Нисса.

— Это не моя проблема, — Коготь пожал плечами. — Это фискальная политика.

— А если мы не заплатим? — спросила я.

— Тогда ваше предприятие будет считаться незарегистрированным, и за подпольную торговлю — штраф двадцатью монетами. Через неделю. С учётом пени и процентов. Или на корм пойдете.

— Каких процентов?

— Драконьих. Попробуйте — узнаете.

Мы выложили на стол все свои сбережения: пять серебряных монет, двенадцать медных копеек от объедков и три копейки, которые Нисса под шумок одолжила у соседа («он всё равно мне должен был»).

— Поздравляю, — сказал инспектор, собирая монетки в мешочек. — Вы — официальные предприниматели. Вот ваше свидетельство. Вот печать. С вас начинаются налоги.

— Сколько? — хором спросили мы.

— Десять процентов от прибыли. Плюс пять в пенсионный. Плюс три на медстраховку. Плюс один на содержание драконьей канализации. Плюс два на утилизацию сломанных когтей. И ещё один процент в фонд повышения налоговой грамотности населения. Всё просто.

— А что остаётся?

— Прибыль после налогообложения.

— А если прибыли нет?

— Тогда вы платите налог с убытков. Это чтобы стимули-

ровать вас к получению прибыли.

Уголёк закатил глаза и сполз с плеча на пол.

— Я подаю в отставку, — сказал он.

— Поздно. Финансовый директор несёт ответственность за неуплату налогов. Вашей кровью — или кошачьей — будут заверять документы о ликвидации.

Мы вышли из палаты. У меня в руках было свидетельство с драконьей печатью, у Ниссы — железный штамп с надписью «Утверждено». Уголёк брёл сзади и бормотал проклятия на древнем кошачьем языке.

— И что мы имеем? — спросила я, когда мы остановились перевести дух.

— Мы имеем бумажку, печать и полное отсутствие денег, — ответил кот. — Плюс долг по налогам с будущих доходов, которых у нас пока нет. Это называется «отрицательный стартовый капитал».

— Зато нас не посадят? — спросила Нисса.

— Нас не посадят. Нас сожрут.

Вечером мы устроили первое официальное застолье в истории моечной. Клиентов было пятеро — те самые обеды, которые копили неделю. Каждый заплатил по три копейки. Уголёк подсчитал чистую выручку: пятнадцать копеек. Из них он отложил полторы копейки в налоговый резерв и три копейки — на покупку новой кастрюли.

— Остаётся десять с половиной копеек, — сказал он.

— Мы разбогатели? — спросила Нисса.

— Мы не обанкротились, — поправил кот. — Это почти одно и то же, но звучит лучше.

Я разливала суп. Объядки ели, улыбались и клялись, что приведут друзей. В моечной пахло надеждой, уксусом и фиолетовой магией.

— Айза, — сказал один из клиентов, облизывая ложку. — А вы можете научить нас готовить?

— Можем, — ответил Уголёк, — но курсы платные. Три копейки — лекция, пять — практика, десять — мастер-класс с дегустацией. Я веду бухгалтерию, Айза — производство. Нисса — реклама и пиар.

Мы рассмеялись. Даже повариха, заглянувшая в дверь на запах, не ругалась, а только буркнула: «Не шумите» — и ушла.

— Уголёк, — сказала я, когда мы мыли котлы. — Ты веришь в успех?

— Успех — это когда налоговая не знает, сколько ты заработал, а ты знаешь, — ответил он, чистя лапой за ухом.

— То есть мы пропали?

— Мы в процессе. Это разные вещи. Но печать уже есть. А печать — это магия. Бумажная, но магия.

Он устроился на ящике, свернулся клубком и замурлыкал.

Я лежала рядом, смотрела на железную печать и думала: двадцать две с половиной копейки, долг по налогам, кот с амбициями и надежда, что завтра будет продан новый суп.

Глава 11. Совет директоров

— Я требую официального статуса, — заявила Нисса, уперев руки в бока.

Мы сидели втроём на перевёрнутых ящиках. Собрание директоров, мать его, «Уголёк Лимитед Корпорейшн» — компании с печатью, свидетельством и полным отсутствием денег.

— Какие у тебя основания? — спросил Уголёк, лениво облизывая лапу.

— Я вложила три копейки. Это всё, что у меня было. Три дня голодала. Теперь хочу долю в прибыли и чтобы меня уважали.

— Уважение не продаётся, — отрезал кот. — Доля — продаётся. Сколько ты хочешь?

— Десять процентов.

— Пять. Ты даже котёл не можешь отмыть.

— Восемь, и буду мыть по вторникам и четвергам.

— Семь с половиной, плюс раз в неделю ты бегаешь за солью к поварихе. Своей жизнью рискуешь, не нашей.

— Идёт.

Нисса пожала коту лапу. Уголёк посмотрел на свою лапу, потом на неё, потом брезгливо вытер о мою робу.

— Торжественно посвящаю тебя в младшие партнёры «Уголёк Лимитед Корпорейшн». Твои обязанности: искать

клиентов, не спать на собраниях и не задавать вопросов про рецепт.

— А моя? — спросила я.

— Твоя — варить суп и не жаловаться.

— А ты?

— А я — думать и руководить. Потому что у меня мозгов больше, чем у вас двоих вместе взятых.

В этот момент дверь скрипнула.

Не повариха — та не скрипит, та ломится. Кто-то воспитанный.

— Войдите, — сказал я.

В проёме показался парень. Худой, веснушчатый, руки красные — из тех, кто целыми днями в холодной воде. Роба висела мешком, на поясе тряпица вместо кармана.

— Вы Айза? — спросил он шёпотом.

— Допустим.

— Нисса сказала, вы варите суп. Тот самый, с магией. Мы копили неделю. Я и ещё двое. По три копейки с носа. Хватит?

— Хватит, — кивнул Уголёк. — Деньги вперёд.

Парень высыпал на ящик девять медных кругляшков. Кот пересчитал их, лизнул один на пробу и сунул в карман моей робы.

— Айза, к работе. Нисса, реклама. Клиенты — в угол и не отвечивать.

Суп мы варили из того, что удалось насобирать за день:

картофельные очистки, капустные листья с червоточинами, какие-то кости, обглоданные драконами, и хвосты от рыбы, которую разделявали наверху.

— Богатый день, — заметила Нисса.

— Не каркай, — сказал Уголёк.

Я чихнула в бочку. Фиолетовая искра упала в воду, та закипела. Пахнуло озоном, корицей и почему-то мятой.

— Это фирменный секрет, — объяснила Нисса клиентам.

— Патент. Если расскажете — засудим.

— Кем? — удивился один из парней.

— Нами. У нас есть печать. И юрист.

— Кто юрист?

— Кот, — ответил Уголёк. — Я всё могу. И когти у меня длинные.

Запах поплыл по всей моечной. Повариха, проходившая мимо, замерла на пару секунд, приняухалась и крикнула:

— Опять крысы сдохли?!

— Так точно, госпожа повариха! — отозвался кот из-за котла. — Мы их утилизируем.

— Утилизируйте, но без магии!

Она ушла. Мы выдохнули.

— Опасно, — сказала Нисса.

— Бизнес — это всегда риск, — философски заметил Уголёк. — Но когда рискуешь не своей шкурой — даже приятно.

После обеда у нас уже было пять постоянных клиентов.

Каждый платил по три копейки. Выручка за день — пятнадцать копеек. Уголёк вёл учёт на старой салфетке, которую мы нашли в отходах.

— Айза, — сказал кот, когда клиенты разошлись. — Ты знаешь, что такое масштабирование?

— Варить больше?

— Расширять ассортимент. Внедрять инновации. Например, варить не только суп, но и пельмени.

— Из чего? Из капустных кочерыжек?

— Можно с рыбными головами.

— Фу, — сказала Нисса.

— Не фу, а модный тренд. У драконов в моде молекулярная кухня. А у нас будет помоечная.

— Где я возьму мясо? — вздохнула я.

— Купим. У нас есть почти десять копеек чистыми.

— На десять копеек можно купить луковицу.

— Тогда соляные пельмени с луком. Но пельмени!

Нисса прыснула.

— Лучше скажи, как нам решить проблему с налогами. У нас есть ИП, печать, но налоги забирают всю прибыль.

— А с чего платить? Прибыли нет. Мы всё тратим на кастрюли.

— А если налоговая пришлёт проверку?

— Скажем, что мы — благотворительный фонд помощи голодающим котам.

— Каким котам? — спросила я.

— Мне. Я и буду голодающим. Пока вы не купите рыбу.

Мы замолчали. В моечной мерно капала вода — кто-то забыл закрыть кран на верхней кухне.

— Ладно, — я встала. — Завтра купим новую кастрюлю, соль и, может быть, лук.

— А рыбу? — спросил кот.

— Рыбу — когда заработаем на неё.

— Это будет не скоро, — вздохнул Уголёк.

— Зато честно.

— Честно — это скучно.

Он устроился у меня на коленях, свернулся клубком и заурчал.

Я гладила его, смотрела на железную печать и думала: пятнадцать копеек за день, два клиента придут завтра, новые хвосты, новые налоги, которых мы не боимся. Потому что у нас нет денег.

А без денег налоговая — не налоговая, а так, картинка на стене.

— Айза, — сказал кот сонно. — Ты когда-нибудь мечтала стать богатой?

— Мечтала. В прошлой жизни.

— А теперь?

— Теперь мечтаю не умереть с голоду и чтобы ты перестал требовать рыбу.

— Рыба — это святое.

Он заснул. Я улыбнулась и закрыла глаза.

Завтра — новые очистки. Новая выручка. Новые идеи.
И кот, который думает, что он финансовый гений.
Но без него было бы скучно.

Глава 12. Клиенты из тени

Неделя прошла без происшествий. Ни ревизий, ни проверок, ни драконьих чиновников с их бланками. Мы варили суп по ночам, находили новых клиентов, копили копейки. Уголёк сидел на ящике, перебирал медяшки и бормотал себе под нос.

— Сегодня пятеро, каждый по три... пятью три — пятнадцать. Вчера было десять. Позавчера — восемь. Итого тридцать три копейки. Плюс завалящая пара со дна кармана — тридцать пять. Нисса, не спи, проверь!

— Тридцать пять, — подтвердила Нисса, заглядывая ему через плечо.

— А по монетам — треть монеты. Не густо, но на новую кастрюлю хватает. Старая дырявая, я вчера лапу чуть не ошпарил.

— Ты забыл про налоги, — вздохнула Нисса.

— Налоги — с прибыли. А прибыли нет. Всё уходит на соль и кастрюли. Красота!

Так что бюджет — тридцать пять копеек.

— Это не бюджет, а позор, — фыркнула Нисса.

— Это активы. Основные средства. У нас есть дырявая кастрюля, полмешка очистков и главное — бренд «Уголёк Лимитед». Всё остальное — временные трудности.

В этот момент дверь распахнулась, даже не стукнувшись

о стену. Влетели трое. Колпаки накрахмалены, фартуки отутюжены, воротнички торчат как крылья. Пахло от них так, что перебило даже запах нашей вонючей моечной.

— Это здесь, — сказал тот, что с бородкой. — Я чую аномалию.

— Добрый вечер, — я отложила скребок. — Вы к кому?

— К тебе, обедок. Мы — повара с верхней кухни. Слухи дошли, что ты варишь суп из отходов и получается... съедобно.

— Съедобно — мягко сказано, — вставил красномордый, вытирая лоб платком. — Почти вкусно.

— Почти? — из-за котла вылез Уголёк. Глаза сверкнули фиолетовым.

Бородатый скривился:

— А ты ещё кто такой? Обедковский кот?

— Я? — Уголёк выпрямился, словно на смотре. — Член ИП «Обедок и партнёры», работающий под брендом «Уголёк Лимитед Корпорейшн», финансовый директор и начальник службы безопасности по совместительству. Можете звать меня Уголёк.

Усатый поперхнулся.

— Финансовый директор... у обедка? Кот?

— Он считает деньги и кусает за ноги, — пояснила Нисса. — В равной степени хорошо.

— Мы пришли за магией, — рявкнул бородатый, теряя терпение. — Покажи свой суп. И без кошачьих выкрутасов.

— Платить будете? — спросил Уголёк.

— Что?!

— За демонстрацию. Деньги. Специи. Новую кастрюлю. Старая течёт.

— Мы не торгуемся с объедками.

— А мы не работаем бесплатно. Даже с теми, у кого колапаки крахмальные.

— Декан разрешил!

— Декан — главный в вашей академии, а в нашей фирме я начальник! — парировал кот. — У нас очередь клиентов, драконьи налоги, прибыль, все легально. Правда, монеты ушли на регистрацию, но суть та же.

— Ты блефуешь, — прошипел усатый.

— Я кот. Я не блефую, я перехожу к активным действиям.

И он показал когти.

Повара замерли. Красномордый шепнул бородатому:

— Может, дадим монету? Глянем, что за аномалия?

— Ни копейки!

— Тогда до свидания, — Уголёк спрыгнул с ящика и подошёл к двери. — У нас очередь из клиентов, между прочим.

Как по заказу, в дверь просунулась веснушчатая голова:

— Айза, суп скоро? Копейки принёс. Три штуки.

— Через полчаса, — ответила я. — Приходи.

Повара переглянулись. Бородатый побагровел, развернулся и вылетел вон. Усатый — за ним. Красномордый задержался на секунду, печально вздохнул и тоже исчез.

— Ты их прогнал, — сказала Нисса.

— Я отстоял корпоративную честь. Мы не шестёрки, мы бренд.

— А если они декану нажалуются?

— Нажалуются — объясним, что они сами не захотели платить. Декан уважает тех, кто не даёт себя в обиду. Он по нашей ухе это понял.

— А если встанет на их сторону?

— Тогда я подаю на него в суд за дискриминацию кошек.

Вечером мы сварили двойную порцию. Пять клиентов — тридцать три старых плюс пятнадцать новых. Итого сорок восемь копеек. Почти полмонеты. Уголёк пересчитал трижды, поправил медальон и сказал:

— Завтра покупаем кастрюлю. Старая дырявая, я вчера лапы промочил. А ещё — немного соли.

— А рыбу? — спросила Нисса.

— Рыбу — когда накопим на неё. Это стратегическая цель.

Он устроился на моих коленях, свернулся клубком и заурчал.

— Спокойной ночи, партнёры.

— Спокойной ночи, член ИП, бренд и прочее.

— Слишком длинно, — зевнул кот. — Зови меня просто Уголёк. И не забудь про кастрюлю.

— Не забуду.

Я гладила его, слушала, как капает вода, и думала: сорок

восемь копеек — это не богатство, но это наше. Никто не отнял. Даже повара с их колпаками.

Завтра купим кастрюлю. А послезавтра — может, и рыбу.

Глава 13. Красавчик сверху

На следующее утро после визита поваров я чувствовала себя звездой. Ну, может, не звездой, но точно не объедком. У меня был бизнес, официальная печать, финансовый директор с когтями и целых тридцать пять копеек в тайном кармане — почти полмонеты. Богатство, которое пахло картофельными очистками и надеждой.

— Айза, ты размечталась, — прервала мои грёзы Нисса. — Вон какой-то тип в белом колпаке стоит и смотрит на тебя. И не просто смотрит — глаз не отрываят.

Я обернулась.

В дверях моечной стоял молодой мужчина. Не чета вчерашним напыщенным индюкам с их крахмальными воротничками. Этот был из другого теста.

Светлые волосы, почти белые, струились до плеч — явно мытые чем-то дорогим, а не драконьим мылом для посуды. Зелёные глаза с лёгкой, чуть заметной золотишкой в глубине смотрели на меня с таким вниманием, будто я была не грязным объедком в рваной робе, а шеф-поваром его мечты. Губы изогнуты в полуулыбке, которая одновременно говорила: «я тебя уже изучил» и «я хочу узнать больше».

Белоснежный фартук сидел на нём как влитой — ни пятнышка, ни складочки. Под фартуком угадывалась широкая грудь и узкие бёдра. От него пахло корицей, мускусом и чем-

то тёплым, отчего у меня зачесалось в носу (и это точно была не магия).

— Айза? — спросил он, чуть склонив голову. Голос — бархатный, с лёгкой хрипотцой, как у кота, который знает, что ты не устоишь.

— Допустим, — ответила я, стараясь не пялиться на его скулы, которые можно было лепить как образец для скульпторов. — А вы?

— Меня зовут Кайан. Маг-повар с верхней кухни. Ученик Кассандры.

Уголёк за пазухой превратился в соляной столб. Я почувствовала, как его когти впились мне в ребра.

— Тихо, — прошептала я, прижимая кота локтем. — Не царапай товарный вид.

— Твой кот? — Кайан улыбнулся шире, и от этой улыбки у меня чуть не подкосились колени. Зубы ровные, белые — явно не драконья пасть.

— Финансовый директор, — выдохнул Уголёк, высывая нос. — И служба безопасности. Не вздумайте делать резких движений.

— Обещаю, — Кайан рассмеялся. Серебристый, мягкий смех — точно он репетировал его перед зеркалом, но всё равно звучало вкусно. — Слышал о твоём даре. Хотел бы попробовать твоё фирменное блюдо.

— Платить будете? — спросил кот, не вылезая до конца.

— Конечно. Я слышал, у вас расценки разумные.

— Три копейки половник. С хлебом — пять. Дегустация для особых гостей — десять копеек, — подчеркнул Уголёк, внимательно глядя на кошелёк Кайана.

Кайан кивнул, достал десять медных кругляшков и выложил на ящик. Без монет. Просто десять копеек. Я выдохнула — не придётся отдавать сдачу.

— Уголёк, — шепнула я. — Это десять копеек, а не монет.

— Я вижу. Но красиво выложил. Прямо по росту. У него эстетический вкус.

Я взялась за кастрюлю.

Суп варила с особым старанием — не потому, что хотела произвести впечатление (хотя хотела), а потому, что рядом стоял этот идеальный мужчина и смотрел на мои руки. На то, как я режу картофельные очистки. Как чихаю фиолетовым. Как поправляю робу, которая, конечно, висела мешком, но вдруг стала казаться не такой уж рваной.

Кайан не мешал, не задавал глупых вопросов про аллергию. Просто стоял, чуть прищурившись, и нюхал воздух. Дорогой, красивый, пахнущий корицей — как пирожное, которое тебе не по карману, но ты всё равно хочешь.

— Готово, — сказала я, разливая суп по миске.

Он попробовал.

Я видела, как дрогнули его ресницы, как расширились зрачки. Он не торопился говорить, просто перекатывал ложку во рту, будто дегустировал дорогое вино.

— Это... необычно, — выдохнул он, облизывая губы. —

Ты не просто варишь. Ты разговариваешь с продуктами. Даже с этими... вторичными ресурсами.

— Они хотят сказать: «Съешь меня», — ответила я. — Как и все продукты. Только эти ещё и шепчут: «Спасибо, что не выкинули».

Кайан рассмеялся тем самым смехом, от которого хотелось зажмуриться.

— Ты философ, Айза.

— Я шеф-повар. Просто сейчас без ресторана.

— А могла бы быть с рестораном, — он шагнул ближе. Теперь между нами было меньше метра. Я чувствовала запах его одеколона — дорогой, сложный, с нотками кардамона и чего-то деревянного. — Пойдёшь ко мне в ученики?

— Куда? — ляпнула я.

— Наверх. На чистую кухню. Я научу тебя управлять магией. Не чиханием, а настоящими заклинаниями. Будешь готовить не из отходов, а из лучших продуктов.

— У неё уже есть финансовый директор, — подал голос Уголёк. — Лишние советчики не нужны. И вообще, мы бренд.

— Я не советчик, — Кайан посмотрел на кота с лёгким уважением, как на равного. — Я тот, кто может вытащить её отсюда. Сделать магом-поваром. Не объедком, а мастером.

— А платить? — спросил кот.

— Платить будет декан. Он спонсирует таланты. Я даю знания, он — деньги. Айза — талант. Идеальная схема.

Мы с Угольком переглянулись. Кот почесал за ухом.

— Мне нужно подумать, — сказала я.

— Думай, — Кайан отступил на шаг, не сводя с меня зелёных глаз. — Такие предложения обедам не делают. А тебе — делаю. Потому что ты уникальная. И очень красивая. Даже в этой грязной робе.

Я покраснела. Сквозь грязь.

Он ушёл, оставив на ящичке десять копеек и запах, от которого хотелось закрыть глаза.

— Айза, — Нисса подошла сзади. — Это было... горячо.

— Заткнись.

— Он идеальный. Лицо, фигура, взгляд. И говорит как поэт.

— Говорит как маркетолог, — огрызнулся Уголёк, вылезая целиком. — «Ты уникальная, даже в грязной робе» — это штамп. Я такое у Кассандры под столом слышал раз десять.

— И что?

— И то, что он — её ученик. А Кассандра выбросила меня на помойку после того, как я перестал светиться. Такие красивые слова не бесплатные.

— А вдруг он искренний? — спросила я.

— Узнаем, — кот пожал плечами. — Предложи ему сделку: он учит тебя магии, ты варишь ему суп бесплатно раз в неделю. Если согласится без торгов — значит, ему действительно нужно твоё мастерство. Если начнёт просить больше

— беги.

— А ещё что?

— Ещё — рыбу для меня. У него доступ к лучшим продуктам. Пусть приносит лосося.

— Ты неисправим.

— Я финансовый директор. Исправим только в супе.

Вечером, когда клиенты разошлись, мы сидели втроём и смотрели на десять копеек Кайана. Обычных, медных, ничем не примечательных. Но пахли они корицей.

— Уголёк, — сказала я. — А если он не обманщик?

— Если не обманщик — мы приобретаем союзника. Я буду за ним следить, но палки в колёса вставлять не буду. Пока.

— А если он влюбится в Айзу? — спросила Нисса.

— Тогда у нас будет любовный треугольник, — вздохнул кот. — Декан — холодный красавчик, который ест наш суп и молчит. Кайан — горячий красавчик, который сыплет комплиментами. И Айза — объедок, который чихает магией.

— Ты забыл про кота, — заметила я.

— А я вне конкуренции. Я — акционер.

Нисса прыснула. Я улыбнулась, но потом нахмурилась.

— А при чём тут декан? — спросила я. — Он просто инвестор. Платит — и молчит.

Уголёк прищурился, почесал когтем за ухом и выдал с ехидной улыбкой:

— Ой, да вы с ним тоже шуры-муры? Я же вижу, как он на тебя смотрит, когда суп пробует. Холодный, а взгляд мас-

ляный. Не обманывай себя.

— Это не шуры-муры! — возмутилась я. — Он просто привередливый дракон, которому нравится моя стряпня.

— Ага, стряпня. Конечно. Ты суп варишь, а он идёт на запах, как кот на валерьянку. Я в таких делах собаку съел. Точнее, кота. Рыбу, в общем.

Нисса захохотала.

— Никаких шур-мур! Варим суп. Платим налоги. Живём дальше.

— Живёшь дальше, — философски заметил кот, укладываясь на моих коленях. — А красавчики за тобой хвостом ходят. Декан — слева, Кайан — справа. А я — сверху. Иди разберись.

Я погладила его и вздохнула.

Выбор. Налоги. Бизнес. Любовный треугольник на помойке. И кот, который комментирует всё это с высоты своего акционерного пакета.

— Завтра узнаем, кто он такой. А пока — давай спать. Кастрюли не ждут, а красавчики подождут.

— Особенно декан, — добавил Уголёк сонно. — Он долго запрягает, но потом уже не остановишь.

Я закрыла глаза и попыталась не думать ни о зелёных глазах Кайана, ни о жёлтых глазах Альтаира, ни о том, что кот явно знает больше, чем говорит.

Но это было невозможно.

Визуал главы 13.

Глава 14. Чихать на начальство!

Стук в дверь разбудил меня за секунду до того, как я успела досмотреть сон про пельмени — огромные, сочные, с пылу с жару, плавающие в укропном бульоне, да ещё и бесплатные. Громкий, требовательный, без всякого дурацкого «можно войти?», как будто в дверь долбили копытом разъярённого единорога. Я села на нарах, скинув тёплое пузо Уголька на солому. Кот издал возмущённое «фрррр», но не проснулся — только перевернулся на спину и захрапел громче.

— Кто там в такую рань? — простонала Нисса с верхней полки. Она натянула одеяло на голову, превратившись в рыжий кокон.

— Не рань, — прошептал Уголёк, мгновенно проснувшись. Его усы встали дыбом, хвост вздрогнул. — Это дракон. Я чую его запах металла и высокомерия. И ещё — застарелой обиды, как от несвежей скумбрии.

Дверь открылась без приглашения, и на пороге вырос Альтаир. Без супа, без продуктов, без закатанных рукавов — сегодня он был в полной парадной форме, с серебряными драконами на воротнике. Пряжка на ремне блестела так, что в неё можно было смотреться как в зеркало — и видеть своё испуганное лицо. Глаза жёлтые, холодные, как две монеты, ушедшие на регистрацию индивидуального предпри-

нимательства. И пахло от него не супом, как обычно, а грозой и раскалённым песком.

— Айза, — сказал он, даже не поздоровавшись. Даже не кивнул. — У тебя были гости? Не называй мне имя, я и так знаю.

Я похолодела внутри, но снаружи — ни дрожи. Уголёк за пазухой замер, прижав уши.

— Гости? — я изобразила удивление, хотя внутри всё оборвалось. — К нам заходила повариха. Сказала, что мы крысы, и ушла. Ещё спросила, не пора ли нас травить. Очень темпераментная женщина.

— Не повариха, — Алтаир шагнул внутрь, и наша камера сразу стала тесной, как консервная банка. — Другой. Светловолосый. В белом колпаке с золотыми пуговицами. И не притворяйся, Айза. Я всё равно знаю.

Я похолодела по-настоящему. Сердце ухнуло вниз, а потом заколотилось где-то в горле. Уголёк за пазухой замер так, что я испугалась — не остановилось ли его сердце.

— А, этот. Маг-повар с верхней кухни. Кайан. Заходил суп попробовать. Сказал, что я гениальна. И что у моих рук прекрасный потенциал. Ну, в смысле, для готовки.

— Попробовать? — голос декана стал тише, и это был плохой знак.

— Заплатил. Десять копеек. Всё честно, наличными. Положил монеты на стол, ровно десять, даже пересчитывать не пришлось. Вежливый, знаете ли. Дверь прикрыл, сказал

«спасибо за угощение». А некоторые врываются как ураган и даже не здороваются.

Альтаир шагнул ближе. От него запахло дымом. Внутри явно закипала лава.

— Ты знаешь, кто он на самом деле?

— Ученик Кассандры. Он сам представился. Сел на табурет, снял колпак. У него волосы как лён. И глаза как небо после дождя. Вы бы видели, как он ест суп — с таким восхищением, будто это последняя еда в его жизни.

— И ты его впустила? — декан скрестил руки на груди. Драконы на воротнике оскалились в отражении лампы.

— Он постучал. Три раза. Вежливо. У нас демократия, все клиенты равны. Хоть с верхней кухни, хоть из подвала, хоть из кабинета декана. Заплатил — ешь.

— Он не клиент, — голос Альтаира стал тихим и страшным, как треск огня перед вспышкой. — Он — опасность. И ты понятия не имеешь, какая. Кассандра не просто так его прислала. Он ищет что-то в академии.

— А вы понятия не имеете, как работает общепит, — огрызнулась я, чувствуя, как обида пересиливает страх. — Клиент всегда прав. Даже если он красивый, опасный и ученик вашей бывшей...

— Не продолжай, — перебил Альтаир. Его желтые глаза полыхнули. — Слушай меня внимательно, Айза. Ты не будешь с ним встречаться. Не будешь варить для него. Не будешь разговаривать. И вообще — сделай вид, что его не су-

ществует. Это приказ.

— А если он придёт снова?

— Скажешь, что заболела. Или что у тебя аллергия на красивых парней. Или что ты переехала в другую камеру.

Я чуть не поперхнулась воздухом.

— У меня аллергия на драконов, — парировала я, выпрямив спину. — Чихаю, кашляю, покрываюсь сыпью. А на красивых парней иммунитет. Прививка есть ещё из детства, делал местный фельдшер.

Альтаир посмотрел на меня так, будто хотел сказать что-то очень важное. Губы дрогнули. В глазах на секунду мелькнуло что-то совсем не драконье — тёплое, почти человеческое. Но он передумал. Развернулся, щёлкнул каблуками — звонко, как удар по нервам — и вышел. Дверь за ним не хлопнула. Она просто тихо закрылась сама собой, но в этом молчании было больше угрозы, чем в любом грохоте, рыке или топоте.

— Вот это да, — выдохнула Нисса, свешиваясь с полки. Её лицо было белым как мука. — Декан собственной персоной пришёл запрещать тебе любовь. Я думала, такое только в дешёвых романах бывает, с блестящей обложкой и тиражом три копейки.

— Это не любовь. Это бизнес. Разница принципиальная. Любовь — это когда варят суп бесплатно с улыбкой до ушей. Бизнес — когда берут деньги и молчат.

— А ревность? — спросил Уголёк, вылезая из пазухи и

отряхиваясь. Его шерсть встала дыбом то ли от страха, то ли от удовольствия. — У него прямо глаза горели. Я в таких делах костёр могу тушить. Искры летели, Айза. Настоящие драконьи искры. Я хвост прижал, чтобы не подпалили.

— Не горели, — огрызнулась я, хотя внутри что-то ёкнуло. — Просто конкуренция. У декана свой интерес: он сам покупает у нас суп. А тут появился Кайан и отбивает эксклюзивного клиента. Это экономика, котик. Никакой романтики.

— Конкуренция? — кот фыркнул и начал умываться лапкой. — Ты посмотри на него. Он весь сжался, когда услышал про красивого парня. Даже позеленел немного. А драконы не зеленеют от конкуренции. От конкуренции они становятся золотыми и жадными. А зелёными они становятся от ревности и от недоедания. Но суп у нас качественный, так что — первое.

— От чего же они ещё зеленеют?

— От ревности, — философски заметил кот, почистив усы. — И от недосыпа. Но в этом случае — точно ревность. Уверен на девяносто процентов. Десять оставляю на вариант, что у него язва, но он бы не пришёл с язвой в такую рань разбираться.

Нисса хихикнула, закрывая рот рукой. Я вздохнула и принялась нарезать овощи — нож сам запрыгал в руках.

— Ладно, хватит сплетен. Надо готовить суп. У нас через час клиенты придут. Арис, тот объедок из пятой комнаты

обещал заглянуть на обед, у него сегодня зарплата, значит, закажет двойную порцию и, может быть, даже на чай оставит.

— Вот именно! — Уголёк вдруг насторожился, перестав вылизывать живот. — Декан закрыл нам возможность общаться с Кайаном. Но не запретил торговать. Так что суп вари. А деньги считай. И вообще, предлагаю расширить ассортимент: добавить суп с клецками.

— План, — кивнула я, нарезаю лук колёсиками. — Но сначала — деканский заказ. Он платит исправно, и если мы его разозлим совсем, он нас выселит. А куда мы пойдём с кастрюлей? В коридор? Там сквозняки, суп стынет.

Я взяла кастрюлю — ту самую, новую, купленную на наши тридцать пять копеек. Она блестела как зеркало. Я берегла её как зеницу ока, даже Угольку не разрешала спать рядом. Кот, правда, всё равно спал. И не разбудишь.

Мы варили суп молча, но привычно: лук вначале, потом морковь, потом тайный ингредиент и щепотка надежды на лучшее. Пахло чесноком и свободой.

— Айза, — сказала Нисса, когда мы закончили с готовкой, и разлили бульон по мискам. — А что, если Кайан придёт снова? Откроешь?

Я замерла. Вопрос был хороший. Даже слишком.

— Открою. И скажу, что у меня аллергия на драконов, а на красивых парней — нет. И пусть декан хоть лопнет от злости. Я не его собственность. Я частный предприниматель с лицензией и чистым котом.

— Смотри, декан узнает. У него везде глаза и уши. И нос особенно длинный, как у летучей мыши.

— А кто ему расскажет?

Все посмотрели на Уголька. Кот сидел на табурете, обматывая хвостом лапы, и делал вид, что его это не касается. Он вылизывал медальон с рыбкой и напевал под нос.

— Что я? Я рот на замке, — кот показал на свой медальон. — Рыбу принесёте — вообще забуду, о чём говорили. Даже своё имя забуду. Буду нем как рыба. Которая съела другую рыбу.

— Шантажист, — вздохнула я.

— Предприниматель, — поправил он, сверкнув глазами. — А теперь — спать. Завтра новый день, новые клиенты, новые запреты декана и, возможно, новые визиты красивых магов. Драконы не дремлют, Айза. И коты тоже. Особенно когда пахнет рыбой.

Я легла, укрывая кота полой своей рабочей робы — она пахла луком и укропом, а кот это обожал. Нисса уже храпела на верхней полке, свесив рыжую косу. Уголёк мурлыкал, как маленький мотор.

И я долго смотрела в потолок, где трещины складывались в узоры: то ли дракона, то ли кастрюлю, то ли чей-то красивый профиль в белом колпаке с золотыми пуговицами.

Завтра — новый день. Но начинается он всегда одинаково: с налогов, кастрюль и драконьих разборок, с тайных визитов и котов, которые знают всё лучше нас. Даже то, о чём

мы пока боимся признаться даже себе.

Глава 15. Пронесло!

Я как раз помешивала суп для вечерних клиентов — тот самый, с секретным ингредиентом, которым Уголёк клялся, что это просто перец, но я-то знала, что туда падает ещё щепотка отчаяния и надежды на лучшее. Бульон журчал, кот мурлыкал на печи, Нисса пересчитывала мелочь в крынке — в общем, царила идиллия, как на картинке «Уютный подвальный общепит».

В этот момент дверь распахнулась без стука.

Даже не так. Она вылетела с такой силой, что Уголёк подпрыгнул на полметра и зашипел как разъярённый чайник. В дверях стояли двое в чёрных мантиях с золотыми драконами на воротниках. Те самые. Из драконьей палаты. Инспектор Коготь собственной персоной — низкий, плотный, с лицом, которое, казалось, переваривало лимон и налоговый кодекс одновременно. А рядом его помощник — длинноносый тип с папкой, в которой, без сомнения, лежали не просто бумаги, а все наши грехи, включая тот раз, когда я взяла лишнюю луковицу без чека.

— ИП «Объедок и партнёры»? — спросил Коготь, даже не поздоровавшись. Даже не кивнув. Голос у него был такой, будто он переехал мелкий гравий и теперь мучительно его переваривает.

— Он самый, — ответила я, инстинктивно заслоня котёл

телом. — А вы по какому праву врываетесь без стука? У нас тут, между прочим, зона повышенной огнеопасности. И кот нервный.

— Младший партнёр Нисса — здесь, — послушно доложила Нисса, поднимая руки вверх, как будто её уже арестовывали. — Финансовый директор Уголёк — здесь, — кот вылез из-за пазухи и, к моему ужасу, встал на задние лапы, сложив передние на груди. — Айза — генеральный директор и главный повар. А вы, простите, по какому вопросу врываетесь в рабочее помещение без санитарной книжки?

— Проверка, — Коготь щёлкнул пальцами, и помощник мгновенно раскрыл папку, из которой посыпались какие-то жёлтые листы, квитанции и, кажется, прошлогодний лавровый лист. — Поступил сигнал о незадекларированной магии в продуктах питания. На основании указа № 1489/Д «О налогообложении магической составляющей в блюдах, приготовленных юридическими лицами, а также физическими, имеющими хвост или крылья», вы обязаны уплатить штраф за использование фиолетовой магии без лицензии.

Я моргнула.

— Какой ещё фиолетовой магии? У нас суп! Обычный суп! Лук, морковь, вода, соль по вкусу. Никакой магии, даже синей.

— А это что? — помощник длинным пальцем ткнул в кастрюлю, где бульон пузырился странным перламутровым светом.

Я присмотрелась. Действительно, пузырились они как-то подозрительно красиво. И пахло не просто супом, а чем-то... волшебным.

— Это... ну... — я запнулась. — У нас эксклюзивный рецепт. Секрет фирмы. Торговая тайна, между прочим.

— Магическая составляющая, — отрезал Коготь. — Фиолетовая, уровень три. Без лицензии — штраф.

— У нас есть печать! — возразила Нисса, вытаскивая из-за пазухи нашу драгоценную круглую печать на верёвочке.

— Печать — это для регистрации ИП, — снисходительно объяснил помощник, поправляя очки. — А лицензия на магическую деятельность приобретается отдельно. В соседнем отделе. Через три коридора, потом спуск в подвал, потом поворот направо, потом запертая дверь, потом ключ у завхоза, которого никто не видел десять лет. Стоимость лицензии — пять монет. Плюс штраф за незаконное использование магии — десять монет. Плюс пеня за то, что не подали заявку заранее — ещё две. Итого семнадцать.

— Было пятнадцать! — возмутился Уголёк.

— Пока мы разговаривали, добавилась пеня за просрочку реакции, — улыбнулся помощник. Улыбка у него была как у акулы, которая решила стать налоговым консультантом.

— У нас нет семнадцати монет! — выпалила я. — У нас есть немного копеек и рыба голова, но она завтра испортится.

— Тогда будем изымать имущество, — Коготь оглядел на-

шу камеру-кухню взглядом оценщика, который привык, что ему всё должны. — Кастрюля новая. Серебристая. Пойдёт в счёт долга. Половник — тоже. Вон тот нож, который с зазубринкой — в счёт пени. А кот — на мясо.

Я похолодела. Нисса вцепилась мне в рукав. Уголёк выпустил когти.

— Меня не возьмёте! — взвизгнул кот, прыгивая на пол и вставая в боевую стойку — задранный хвост, выгнутая спина, глаза как два изумрудных фонаря. — Я член ИП, я облагаюсь налогами как физическое лицо! У меня есть медальон, подпись в уставе и право на неприкосновенность! К тому же я единственный здесь, кто знает, куда мы прячем запасные специи!

— Физическое лицо — оно и есть физическое, хоть с усами, хоть без, — равнодушно заметил помощник, доставая из папки сачок для бабочек, который, видимо, служил орудием поимки. — Не дёргайтесь. Кота взвесим отдельно, мясо — по рыночной цене.

— Кто меня взвесит?! — кот отскочил за кастрюлю. — Я — стратегический партнёр! Если я исчезну, кто будет дегустировать суп на наличие мышей? Вы? У вас нос не тот!

Я стояла, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Новая кастрюля была нашим богатством — мы купили её в складчину, Нисса отдала свои серёжки, Уголёк — три ворованные сардины. Половник был единственным, кроме скребка и моих рук. А кот — святое. Без него мы бы уже давно съели друг

друга от голода и тоски.

Помощник уже протягивал руку к кастрюле, Коготь доста-
влял квитанцию об изъятии, и вдруг...

В этот момент дверь — та самая, которую инспекторы не
закрыли — скрипнула.

И на пороге появился Кайан.

Белый колпак как свежевывавший снег, зелёные глаза как
весенние листья, улыбка, от которой таял даже заморожен-
ный бульон. Пахло от него корицей, выпечкой и, кажется,
спасением.

— Что здесь происходит? — спросил он, окинув взглядом
сцену: инспектор с сачком, помощник с папкой, я с полов-
ником наперевес, кот за кастрюлей, Нисса под столом.

— Проверка, — буркнул Коготь, но уже менее уверенно.
— А вы кто такой вообще? Посторонним вход воспрещён.

— Посторонним? — Кайан поднял бровь. — Я — стар-
ший повар драконьей академии, ученик Кассандры и личный
повар. И куратор магической кулинарии на верхней кухне.
Моя подпись стоит в документах этого ИП в графе «кулинар-
ный надзор». А вы, насколько я понимаю, угрожаете пред-
приятию, которое находится под личной протекцией декана
и моим гастрономическим интересом.

— Декана? — Коготь побледнел до цвета несвежей смета-
ны. Помощник попятился, зацепился за порог и чудом удер-
жал папку.

— Альтаир собственноручно утвердил регистрацию этого

ИП, — Кайан говорил спокойно, даже лениво, но в голосе проступала сталь. — Более того, он является их спонсором и еженедельным клиентом. Я готов подтвердить это документально. Более того — я готов сейчас подняться в его кабинет и устроить очную ставку. Вы же знаете, как декан относится к тем, кто мешает ему получать горячий суп вовремя.

Помощник с папкой побледнел ещё сильнее — теперь он напоминал меловую стену.

— Там ещё и декан? — прошептал он, обращаясь к Когтю.

— Декан, — подтвердил Кайан, делая шаг вперёд. — И он очень не любит, когда его проекты трогают без согласования. Особенно перед обедом. У него в такие моменты чешуя дыбом встаёт. Я как повар знаю.

Инспектор Коготь поспешно захлопнул папку так, что из неё вылетел прошлогодний лавровый лист и упал прямо в суп.

— Мы... мы уточним. Перепроверим. Возможно, ошибка. Сведения могли быть неполными, — затараторил он, пятясь к выходу. — Виновата наша новая бухгалтерша. Или наш стажёр. Мы разберёмся.

— Кастрюлю оставьте, — мягко, но твёрдо сказал Кайан.

— Оставляем! Всё оставляем! Даже кота!

— Я вообще-то стратегический партнёр, — фыркнул Уголёк, вылезая из-за кастрюли с видом победителя.

Они вылетели быстрее, чем я успела чихнуть — манттии развевались, папка подпрыгивала, Коготь на пороге спо-

ткнулся о собственный сачок, и они растворились в коридоре, оставив после себя запах страха и дешёвого одеколona.

Тишина.

Суп булькнул и выдохнул облако пара.

— Ты... ты нас спас, — выдохнула Нисса, вылезая из-под стола. — Полностью. С кастрюлей, половником и котом. Ты — герой.

— Не герой, — Кайан улыбнулся — той самой своей репетированной, но почему-то тёплой и искренней улыбкой. — Просто должник. Вы же не думаете, что я просто так десять копеек за суп отдал? Я вкладываюсь в долгосрочные отношения.

— Спасибо, — я вытерла руки о робу, потому что они вдруг стали влажными — то ли от волнения, то ли от того, что я всё ещё не верила в происходящее. — Но зачем вы вмешались? У вас могли быть неприятности. Декан, если узнает, что вы пользуетесь его именем...

— Альтаир? — Кайан усмехнулся. — У меня с ним деловые отношения. Он, может, и ревнивый, но справедливый. И я действительно считаю, что твой суп заслуживает лицензии. Бесплатной. Я уже говорил с магическим департаментом. Они готовы выдать вам разрешение задним числом, если вы добавите в меню пункт «суп деканский» на полкопейки дороже.

— Так не бывает, — заметил Уголёк, запрыгивая обратно на печь и начиная вылизывать усы.

— Бывает, если ты умеешь договариваться, — Кайан посмотрел на кота, потом перевёл взгляд на меня. — Я договарюсь с налоговой. А ты, финансовый директор, не суетись. Кстати, вот...

Он порылся в кармане своего белоснежного халата и вытащил...

— Рыбья голова?! — ахнул Уголёк.

— Лосось. С верхней кухни, свежий. Декан всё равно не ест головы, а выбросить жалко. Думаю, это скрасит ваш ужин.

Он кинул голову на разделочный ящик. Уголёк аж подпрыгнул на месте, приземлился рядом и принялся обнюхивать с выражением священного трепета.

— Это... это взятка! — выдавил кот, но без какой-либо убеждённости.

— Это благодарность, — поправил Кайан. — Я прошу только о том, чтобы вы не закрывались. Миру нужно больше хорошего супа. И котов, которые его охраняют.

Он ушёл так же тихо, как и появился — только белый колпак мелькнул в темноте коридора, и дверь мягко закрылась.

Мы остались стоять: Нисса с открытым ртом, я с половником в руке, Уголёк с лососёвой головой.

— Я начинаю верить в его искренность, — сказала Нисса после долгой паузы.

— И я, — вздохнула я, опускаясь на табурет. — Это опасно. Очень опасно.

— А я — в рыбу, — добавил Уголёк, уже отдирая от головы кусок мяса. — Это дорогого стоит. Знаете, что я вам скажу? Этот Кайан — не дурак. Он не просто так нас спас.

— А зачем? — спросила Нисса.

— Затем, что хороший суп — это стратегический ресурс. А мы — его поставщики. И если декан ревнует... ну, это его проблемы. Наше дело — варить.

Я посмотрела на кастрюлю, которая чуть не ушла в счёт долга. На половник, который пережил налоговую проверку. На кота, который доедал лосося и облизывал усы.

— Ладно, — сказал кот. — Завтра варим двойную порцию. И добавляем в меню «суп деканский» на полкопейки дороже.

— Почему деканский? — удивилась Нисса.

— Потому что он всё равно будет его покупать. А так — официально, с лицензией. И без налоговых проверок.

— А как же Кайан?

— А Кайан будет платить полную стоимость. Без скидок. Это бизнес, девочки.

Уголёк довольно мурлыкнул и свернулся калачиком у печи.

— Вот это я понимаю — правильная стратегия. А теперь — спать. Завтра новый день. И, возможно, новая проверка. Но теперь у нас есть союзник.

— И рыба, — добавила я.

— И рыба, — согласился кот.

Мы погасили лампу. В темноте ещё долго пахло лососем, супом и, кажется, чем-то горячим — то ли от печи, то ли от того, что в нашей маленькой камере-кухне вдруг стало чуть теплее, чем обычно.

И никто не сказал, что это плохо.

Глава 16. Аукцион имени кота

После того как Кайан спас нас от налоговой, мы сидели втроём и переваривали случившееся. Тишина была такая, что слышно было, как булькает суп на печи и как где-то далеко в коридорах стонет привидение поварихи, которой недодали зарплату. Нисса гладила новую кастрюлю — ту самую, серебрястую, которая чуть не ушла в счёт долга — и шептала ей что-то ласковое. Уголёк облизывал рыбью голову — лососевую, с верхней кухни, пахнущую деньгами и свободой. Я сидела на табурете и смотрела в одну точку, пытаюсь осознать, что у нас появился союзник, который пахнет корицей и рискует своей репутацией ради нашего супа.

— Слушайте, — сказал кот, отрываясь от трапезы ровно настолько, чтобы вытереть усы лапой. — А ведь налоговый штраф нам всё равно выпишут. Хоть с лицензией, хоть без. Коготь ушёл, но он вернётся. Такие, как он, не отступают. Вернётся с новым составом, с новыми бумажками и, возможно, с мелкой собачкой для устрашения.

— Откуда ты знаешь? — спросила я, хотя знала ответ.

— У драконов принцип: если не получилось сегодня, попробуй завтра. И послезавтра. И каждый раз добавляй пеню за повторный визит. Они даже с мертвого налог снимут, если тот хотя бы раз чихнул в радиусе академии.

— И что ты предлагаешь? Прятать кастрюлю под нары?

Маскировать суп под компот?

— Аукцион, — Уголёк встал на задние лапы, отбросил остатки лосося и принял позу уличного оратора, которому тесно в подвале. — Мы продаём право попробовать наш фирменный суп с фиолетовой магией. Тому, кто больше заплатит. Публично. С шумом, гамом и хлопаньем дверьми.

— Кто будет покупать? — Нисса оторвалась от кастрюли. — У нас клиенты — объедки, у них по три копейки в кармане и мечта о второй миске.

— Не только. Повара с верхней кухни — они богатые. У них зарплата в монетах, а не в отходах. Декан — тот вообще инвестор и любитель твоего супа. Кайан — тот вообще за десять копеек приходил, а теперь поднимем ставки. Устроим закрытый показ. Сделаем имидж.

— Ты хочешь, чтобы мы продавали суп как искусство? — не поверила Нисса. Её брови уползли на лоб.

— А почему нет? Ты видела, как драконы покупают картины? Какой-нибудь бездарь мажет углём по стене, а они платят монеты и называют это «метафизическим криком души». У нас суп вкусный, магия фиолетовая, свечение приятное. Это дороже. Это, блин, концептуальная кулинария.

Я задумалась. Тридцать пять копеек в кармане, новая кастрюля, половник, кот с амбициями — это хорошо, но налоги, лицензия, штрафы, взятки помощнику Когтя... Надо было зарабатывать, и зарабатывать быстро. Иначе мы превратимся не в ИП, а в музей древней кулинарии.

— А если декан узнает?

— А что декан? — Уголёк фыркнул. — Он сам ревнует. Пусть докажет, что он главный инвестор, и купит лот. Или пусть обижается. На обиженных суп не варят, на обиженных копейку не зарабатываешь.

— А если Кайан придёт?

— Ему скидка. Он рыбою голову принёс и спас нас от Когтя. Это как минимум десять процентов.

— А если повара с верхней? Они же наши конкуренты.

— С них двойная цена. За наглость. И за то, что их суп — жижа с лавровым листом, а у нас — фиолетовая магия. Конкуренция, она такая. И за то, что они мне не нравятся.

Нисса прыснула. Я кивнула, чувствуя, как внутри поднимается азарт — такой же горячий, как бульон на плите.

— И где мы проведём этот аукцион? В подвале? На нарах?

— Здесь. В моечной. Сделаем антураж. Поварёшки в угол, нары занавесим тряпкой, вывеску на дверь. И свет притушим, чтобы суп светился как следует.

— Какую вывеску?

— «Уголёк Лимитед — вечер изысканных вкусов и финансовых приключений». Кот сам напишет, — Уголёк гордо поправил медальон и выпустил когти. — Я грамотный. Читал «Искусство налоговых обходов» в оригинале. С картинками.

Мы принялись готовить. Нисса оттирала пол какой-то тряпкой, найденной в углу — она оказалась бывшей наво-

лочкой, но чистоте это не помешало. Я накрывала ящики чистыми мешками из-под муки (нашли на помойке, выстирали в трёх водах). Уголёк царапал на листе бумаги приглашения — когтями, потому что ручку держать не умел, но получалось разборчиво.

Текст приглашения вышел шедевральным:

*«Уважаемый клиент, декан, обьедок, повар или прохожде-
мец. Вы приглашены на эксклюзивную дегустацию уникаль-
ного супа из магических отходов. Фиолетовое свечение, ноты надежды, предпринимательства и тайного ингредиента. Плата — от пяти копеек до бесконечности. Торг уместен, споры — нет. Приходите с деньгами. Без денег не приходите. Кот на входе проверяет кошельки. Организаторы оставляют за собой право выгнать всех, кто не купит ни одной тарелки. С уважением, ИП “Обьедок и партнёры”, финансовый директор Уголёк (подпись лапой)».*

Приглашения разнесли через веснушчатого парня, который постоянно отирался у нашей двери в надежде на халявный суп. Он взял пять копеек за доставку — торговался, сволочь, но в итоге согласился — и пообещал, что все узнают. Я не была уверена, что узнают все, но то, что узнает кто надо, — это точно.

К вечеру в моечной собралась толпа. Обьедки — человек десять, все с кислыми лицами и пустыми карманами — теснились в углу, надеясь на халяву. Повара с верхней кухни — бородатый, усатый и красномордый — сидели на отведённых

им ящиках и делали вид, что им не интересно, но глаза у них бегали как у кота перед рыбной лавкой. Декан не пришёл, что меня одновременно обрадовало и насторожило, но прислал записку с тем же веснушчатым: «Не вздумайте продавать мой суп. Я его спонсирую. Альтаир».

— Это наш суп, — прошептал Уголёк, прочитав записку.
— Он не эксклюзив. Он общедоступный с элементами роскоши.

— Ты это ему скажи, — буркнула я.

— Скажу. Когда он заплатит за личную подачу. Тогда и скажу.

Кайан явился сияющий, без колпака, в простой белой рубашке с закатанными рукавами. Пахло от него уже не только корицей, но и свежим хлебом. Волосы струились по плечам, глаза блестели как два изумруда. Он сел в первый ряд — на самый лучший ящик, который Нисса специально обернула чистой тряпкой — и улыбнулся мне так, что я чуть не пере-солила бульон. Уголёк толкнул меня лапой в бок, и я пришла в себя.

— Начинаем, — объявил Уголёк, вскочив на ящик и взмахнув хвостом как молотком аукциониста. — Лот номер один. Тарелка фирменного супа с фиолетовой магией, щепотка укропа, ломоть чёрствого хлеба и ложка с зазубринкой в подарок. Начальная цена — десять копеек.

— Пять! — крикнул веснушчатый из первого ряда.

— Аукцион идёт в другую сторону, — осадил его кот,

сверкнув глазами. — Цена растёт, а не падает. Это вам не базар, здесь культура. Десять копеек старт.

— Пятнадцать, — сказал усатый повар, покосившись на бородатого. Видно было, что они пришли понаблюдать, но азарт взял своё.

— Двадцать, — поднял руку Кайан. Даже не поднял — томно протянул ладонь, как на светском рауте.

— Двадцать пять, — буркнул бородатый, скрестив руки на груди.

— Двадцать пять, раз! — закричал Уголёк, прыгая на ящике. — Двадцать пять, два! Есть кто больше? Двадцать пять, три!..

— Сорок, — бросил Кайан и посмотрел на бородатого с такой улыбкой, что тот скис, как прокисшее молоко.

— Сорок копеек! Продано господину в белой рубашке! — кот чуть не свалился с ящика, удержавшись за хвост. — Лот номер два — добавка супа без хлеба, но с тайным ингредиентом, про который мы не скажем, но он там есть. Начальная цена — пять копеек.

Торги шли вяловато: объедки молчали, повара косились друг на друга, пока красномордый не предложил пятнадцать, а Кайан не поднял до двадцати. Продали за двадцать. Выручка росла.

— Лот номер три, — голос Уголька охрип от крика, но он держался как настоящий профессионал. — Эксклюзив. Тарелка супа с личной подачей от самой Айзы — главного по-

вара, генерального директора и той, кто не даст вас отравить. Айза сама принесёт тарелку, улыбнётся, скажет что-нибудь приятное про ваш выбор и, возможно, даже поправит салфетку. Старт — одна монета! Сто копеек!

— Сто копеек? — ужаснулась Нисса, схватившись за сердце.

— Я знаю, что делаю, — шепнул кот, даже не повернув головы. — Драконы на такое ведутся.

Бородатый повар покраснел как свёкла. Усатый заёрзал на ящике, заскрипев штанами. Красномордый высунул язык и облизнул губы — видимо, представил, как я улыбаюсь его тарелке.

— Одна монета, — сказал Кайан, поднимая руку. Спокойно, с лёгкой улыбкой.

Тишина загустела.

— Две монеты! — рявкнул знакомый голос от двери.

Мы обернулись все разом. В дверях, заслоня собой весь свет из коридора, стоял декан Альтаир. Парадная форма, серебряные драконы на воротнике, жёлтые глаза горят, как два фонаря на въезде в налоговую. И в руке он держал кошелёк — кожаный, тиснённый, из которого во все стороны торчали монеты. Я даже услышала, как Уголёк сглотнул.

— Две монеты, — повторил декан, не сводя глаз с Кайана. — Двести копеек.

— Три, — не сдавался Кайан. Голос его звучал всё так же мягко, но в нём появилась сталь.

— Пять, — отрезал Альтаир. Он шагнул в комнату, и воздух стал тяжелее. Пахнуло грозой.

Повисла тишина. Даже объедки перестали дышать.

— Пять монет, — прошептал Уголёк, побледнев под шерстью. — Это пятьсот копеек. Это... это больше, чем наш бюджет за квартал.

— Продано, — стукнул он лапой по ящику так, что тот треснул. — Лот номер три — декану Альтаиру. С личной подачей, как и хотели. Немедленно. В кабинет. Айза, неси суп.

Декан кивнул — один раз, коротко, как рубанул, вышел. Дверь за ним не хлопнула — она просто исчезла за его спиной. Айза должна была подать суп в кабинет. Немедленно. И, судя по выражению его лица, не просто подать.

— Кажется, я создала себе проблемы, — вздохнула я, собираясь с духом.

— Кажется, ты создала себе должность, — поправил кот, запрыгивая на печь. — Личный повар с личной подачей. Пять монет — неплохая надбавка к зарплате. Только смотри, не улыбнись ему слишком приятно, а то Кайан обидится.

Кайан поднялся со своего ящика, подошёл ко мне — близко, слишком близко — и тихо сказал, чтобы слышала только я:

— Он ревнует. Это хороший знак. Пять монет — отличная цена. Но береги себя. Деканы в таких делах непредсказуемы. И если что — ты знаешь, где меня найти.

Он ушёл, оставив после себя запах корицы и недосказанности. Обьедки разошлись, получив по ложке бесплатного бульона за молчание. Повара уползли на верхнюю кухню, перешёптываясь и косясь на меня.

Уголёк пересчитал выручку: семь монет и двенадцать копеек. Плюс старые тридцать пять — почти восемь монет.

— Богатство, — сказал он, облизывая монеты. — Завтра покупаем лицензию. И новую кастрюлю. И половник с длинной ручкой. И, возможно, коврик для мытья лап.

— И рыбу? — спросила я, всё ещё стоя с пустой тарелкой в руках.

— И рыбу, — кивнул кот. — Одну. Маленькую. Но свежую. Без рыбы никакой бизнес не держится.

Я легла спать, укрывая кота полой робы. Нисса уже храпела. За стеной кто-то скрёбся — то ли крыса, то ли инспектор Коготь снова пытался войти.

Аукцион — дело рискованное, но прибыльное. Особенно если на нём торгуются два дракона. А ревность, как известно, разгоняет цены лучше любой рекламы.

Но мне почему-то было не по себе. Пять монет — это много. А декан, который платит пять монет за тарелку супа с улыбкой — это очень странный декан.

Или очень влюблённый.

Но я не смела думать об этом. У меня был бизнес. И кот. И суп, который нужно варить дальше.

А всё остальное — просто ингредиенты. Горькие, острые

и немного сладковатые на вкус.

Глава 17. Ревность с перчинкой

После аукциона я ощущала себя героиней бульварного романчика — дешёвого, но с аппетитными иллюстрациями. Один дракон отвалил пять серебряных монет за тарелку супа, и это был не просто ужин, а демонстрация статуса. Второй — красавчик-маг в белоснежном колпаке — пялился на меня так, будто я главное блюдо на его персональном банкете. А третий, чёрный, усатый и наглый до неприличия, уже строил финансовые прогнозы на год вперёд и требовал немедленной закупки свежего лосося.

Но самое паршивое (или, наоборот, самое интересное) случилось под занавес: декан Альтаир, он же инвестор, он же дракон с непроницаемой мордой, назначил мне личную подачу. В своём кабинете. Наедине. Без поварят и налоговых инспекторов.

— Ты идёшь туда одна? — спросила Нисса, когда я наливали суп в фарфоровую миску — единственную, не треснутую.

— А что мне делать? Послать его куда подальше? Это он нам денег подкинул, а не мы ему.

— Он дракон, — поправил чёрный кот Уголёк, уже успевший занырнуть за пазуху моей рабочей робы. Оттуда доносилось приглушённое мурлыканье — так он маскировал нервозность. — Я иду с тобой. Буду твоей личной охраной и

финансовым контролёром.

— Ты клялся не высовываться.

— Я клялся не кусать инвестора. А наблюдать — святая обязанность хвостатого аудитора. К тому же, если декан начнёт говорить томности, я чихну. У меня, знаешь ли, врождённая аллергия на пафосные признания.

Под носом у него уже искрило — от переизбытка самоуверенности.

Я прихватила поднос. Суп переливался лиловым, пах укропом и чем-то неуловимым — то ли щепоткой магии, то ли моим собственным страхом, который растворился в бульоне.

Кабинет декана прятался на верхотуре академии. Коридоры там были выложены плиткой, в которой отражались магические светильники, и каждый мой шаг звенел, будто я шла по клавишам рояля. Стены украшали драконьи гербы с горящими рубиновыми глазами — казалось, они провожают меня неодобрительным взглядом. Привидение поварихи, встретившееся на лестнице, зашипело и спряталось в стену — то ли завидовало моей миссии, то ли просто не выносило аромата фиолетового супа.

Дверь в кабинет оказалась массивной, дубовой, с бронзовой ручкой в виде змеи, кусающей собственный хвост. Я постучала. Дважды — потому что волновалась и сбила ритм.

— Войдите, — раздался голос декана. Ниже обычного, будто он только что проснулся или, наоборот, давно не спал.

Я вошла и едва не присвистнула. Пространство поражаало размерами: потолки уходили вверх, где мерцали нарисованные звёзды — возможно, настоящие, зачарованные. Огромное окно выходило на ночную академию, и за ним полыхали башни, освещённые синими огнями. На столе — горы пергаментов, налоговых деклараций, каких-то свитков с сургучными печатями. А посередине этого великолепия сидел Альтаир.

Он снял очки — металлические, с тонкой оправой — и положил их на стопку бумаг. Без них его жёлтые глаза казались больше, ярче и опаснее. Воротник расстёгнут, рукава закатаны — впервые я видела его таким неформальным. Почти уютным.

— Принесли? — спросил он. Без приветствия, без «добрый вечер». Только деловой интерес, за которым угадывалось что-то ещё.

— Вы заплатили, — ответила я, водружая поднос на единственный свободный угол стола. — Суп по спецпредложению «Личная подача». Укроп из нашего подоконника, магия лилового спектра, надежда на лучшее и ломоть хлеба — в подарок.

Альтаир взял ложку — серебряную, с гравировкой в виде драконьей морды. Хлебнул. Закрыв глаза. Я замерла, наблюдая, как двигается его кадык, как расслабляются плечи.

— Хорошо, — выдохнул он и указал на стул. — Садись.

— Уставом не положено.

— А я говорю — садись. Пять монет, между прочим. За эти деньги я могу потребовать не только обеда, но и небольшой беседы.

Я опустилась на самый краешек стула — жёсткого, деревянного, явно рассчитанного на провинившихся студентов. Уголёк за пазухой затаился, превратившись в чёрную грелку. Только усы щекотали мне ключицу.

— Про твой аукцион мне доложили, — начал декан, не открывая глаз. — Кайан раскошелился на добавку. Повара с верхней кухни ушли ни с чем — теперь они точат зуб на тебя. А твой чёрный нахал получил лососёвую башку и, судя по запаху, уже умял её вместе с хребтом.

— Он заслужил. Без него мы бы уже сидели в долговой яме.

— А что заслужил я? — Альтаир распахнул веки, и его взгляд пригвоздил меня к стулу.

— Вы — личную подачу. И право первой дегустации. И возможность в любой момент отказаться от наших услуг.

— Этого мало. — Он поднялся, обошёл стол и сел на подлокотник моего стула. Так близко, что я различила запах — не грозы и меди, как раньше, а древесной смолы и мокрой листвы. — Ты понимаешь, почему я запретил тебе видеться с учеником Кассандры?

— Он опасен. Шпион. Что-то в этом роде.

— Он хочет увести тебя. — Альтаир произнёс это так, будто констатировал погоду. — Не у Кассандры — у меня. А

я не привык делиться. Особенно тем, что... — он запнулся, подбирая слово, — ...обладает исключительным вкусом.

— Я не чья-то собственность, — выпалила я, чувствуя, как внутри закипает злость, перемешанная с чем-то более опасным.

— Знаю. — Он наклонился ближе. — Ты — хозяйка ИП, специалист по супам и кошачий спонсор. Но я не хочу тебя терять. Даже как поставщика.

— А как кого?

Вопрос повис в воздухе. Декан молчал, изучая моё лицо. Я изучала его — и находила в жёлтых глазах то, что не вписывалось в образ сурового администратора.

— Если я захочу большего, чем суп? — спросил он наконец.

Уголёк за пазухой чихнул. Так звонко, с микроскопической искрой, которая обожгла мне кожу через ткань рубы.

— Апчхи-и!

Я схватилась за грудь, изображая приступ, а кот удовлетворённо заурчал — его миссия по спасению моей репутации была выполнена.

— Аллергия? — Альтаир отпрянул ровно на шаг.

— Да. — Я потеряла ключицу. — На драконов. Особенно на тех, кто задаёт неудобные вопросы на пустой желудок.

Он усмехнулся. Впервые по-настоящему — уголки губ поползли вверх, морщинки собрались возле глаз.

— Иди. Суп и правда отличный. Личная подача... — он

сделал паузу, — ...тоже неплоха. Приходи завтра.

— По тому же тарифу?

— По абонементу. — Декан кивнул на дверь. — Считай это инвестицией в долгосрочное сотрудничество.

Я вылетела в коридор, прислонилась спиной к холодной стене и выдохнула. Сердце колотилось как бешеное. Ноги подкашивались.

— Ну? — спросила Нисса, когда я рухнула на нары.

— Почти поцеловал, — отрапортовал Уголёк, вылезая из-за пазухи и отряхивая шерсть. — Если бы я не чихнул, пришлось бы писать заявление об увольнении по этическим соображениям.

— Ты специально? — я уставилась на чёрного кота.

— Айза, я стратегический партнёр и финансовый директор. Я не могу допустить, чтобы инвестор перешёл грань дозволенного. Это нарушит хрупкий баланс нашего ИП.

— У нас нет баланса. У нас — кастрюля, половник и кот-провокатор.

— Тем более. — Уголёк запрыгнул на печь и начал умыться с видом уличного адвоката. — Зато есть восемь монет, новая кастрюля и завтрашний лосось. А драконьи страсти пусть остаются за рамками финансовой отчётности.

Нисса хихикнула. Я закрыла лицо руками.

Жизнь окончательно превратилась в скверный анекдот. Один дракон платит за суп, второй улыбается из-под колпака, а чёрный кот спасает меня от опрометчивых поцелуев це-

ной собственной аллергии.

Я легла, укрывая Уголька полу́ робы. Он блаженно заурчал и придвинулся поближе к моему животу.

— Завтра купим рыбу, — пообещал кот в темноту. — И, возможно, новую ложку. Ту, с драконом. Чтобы декан чувствовал себя особенным.

Я закрыла глаза и улыбнулась.

Почти поцелуй. Фиолетовый суп. И шанс разориться на лососе ради пушистого шантажиста.

Лучше, чем любой дешёвый роман.

Глава 18. Королева мяса

На следующее утро после эпизода в кабинете я проснулась с мыслью, что декан Альтаир — не просто инвестор, а ходячая головная боль. Добавить к этому ревнивого Кайана, налогового инспектора Когтя и кота, который вместо рыбы теперь помешан на копчёной ветчине, — получился коктейль «Помойное безумие».

— Айза, — раздался голос из коридора. Это была повариха. Она не заходила — просто просунула голову в дверь и рывкнула: — Декан велел передать. Сегодня в полдень ты готовишь обед для его гостя.

— Какого гостя? — я поперхнулась.

— Какого-то шишку из столицы. Не задавай вопросов, объедок. У тебя есть ровно три часа. Продукты пришлют сверху. Не опозорься, иначе я сама тебя разделаю на котлеты — но не для гостя, а для мусорного бака.

Она ушла, оставив после себя запах страха и старого лука.

— Шишка из столицы? — переспросил Уголёк, вылезая из-за пазухи. — Надеюсь, он привезёт с собой копчёную ветчину. Или хотя бы вяленый язык. Я слышал, у столичных драконов такие деликатесы, что нам и не снились.

— Ты можешь думать о чём-то кроме мяса? — вздохнула Нисса.

— Нет. Это моя мотивация. Айза, ты же меня понимаешь.

— Понимаю, — соврала я, хотя сама мечтала о нормальной сковороде.

Через час на пороге моечной появился посыльный с корзиной. Там был кусок свежей говядины — мраморный, с прожилками, овощи, какие-то соусы в баночках и записка от декана: «Не вздумай чихать в еду. Гость — человек, без магии. Но мясо должно быть идеальным. Не пережарь».

— Без магии? — я расстроилась. — Это как без соли.

— А ты добавь чуть-чуть, — шепнул Уголёк. — Чтобы он не понял, но почувствовал. Как любовь. Или как ветчина.

— Ты романтик.

— Я стратег.

Я принялась готовить. Мясо нарезала аккуратными кусками, обжарила на сковороде до золотистой корочки, залила бульоном, добавила овощи. Всё делала любовно, даже напевала что-то себе под нос. Нисса помогала чистить морковь.

В разгар процесса в дверь постучали. Не повариха, не декан — Кайан.

— Услышал, что у тебя ответственное задание, — сказал он, сверкая зелёными глазами. — Решил поддержать.

— Принёс что-то? — немедленно спросил Уголёк, пригнувшись.

— Только добрые пожелания. И немного специй, — Кайан выложил на стол баночку с шафраном. Для такого гостя пригодится.

Уголёк разочарованно фыркнул:

— Добрые пожелания не жарят на сковородке. Приносите ветчину в следующий раз.

— Я подумаю, — улыбнулся Кайан. — Айза, ты волнуешься?

— Немного.

— Не волнуйся. Ты справишься. И даже если гость будет капризным, твоя стряпня его растопит.

— А если не растопит?

— Тогда виноват бульон. Или драконы. Или налоговая. Или коты.

— Коты тут ни при чём, — фыркнул Уголёк.

Кайан сел на ящик и стал наблюдать. Косил на котёл, но не приставал.

Мясо получилось мягким, сочным, с золотистым соусом. Я разлила его в фарфоровую тарелку (запасную, выменяли у поварихи за три копейки), прикрыла крышкой и пошла наверх.

У дверей кабинета стоял сам декан Альтаир.

— Опоздала на две минуты, — сказал он без приветствия.

— Я тушила с любовью. Это требует времени, как и сбор налогов.

— Проходи. Гость уже ждёт.

В кабинете сидел толстый дракон в золотых очках и с усами, закрученными в колечки. Пахло от него дорогой кожей, вином, властью и, кажется, вяленным языком. Уголёк за паузой тут же зашевелился.

— Вот тот самый обедок? — спросил он, оглядев меня с ног до головы.

— Шеф-повар, — поправил Альтаир. — Айза.

— Можно просто «королева мяса», — добавила я, ставя тарелку. — С розмарином и надеждой.

Дракон попробовал. Зажмурился. Открыл глаза.

— Недурно. Декан, у вас в подвале настоящий алмаз. Не продадите рецепт?

— Не продадим, — ответила я за Альтаира. — ИП, печать, налоги. Рецепт — коммерческая тайна. И кот его охраняет.

Дракон рассмеялся, отодвинул тарелку и вытер губы платком.

— Молодец, обедок. Держи.

Он кинул на стол мешочек. Там звякнули монеты.

— Не надо, — остановил его Альтаир. — Она работает на меня.

— Это чаевые. Не отказывайтесь. Я щедрый.

Дракон ушёл, шаркая. Я осталась стоять с мешочком в руках.

— Пять монет, — прошептал Уголёк из пазухи. — Теперь мы купим не только новую кастрюлю, но и вяленого языка! Или копчёной ветчины! А может, и то и другое!

— Твоя мясная одержимость меня пугает, — сказала я.

— Это здоровая гастрономическая целеустремлённость.

Альтаир подошёл ко мне, взял мешочек и высыпал моне-

ты на стол.

— Забери. За работу. И за то, что не чихала в мясо.

— А вы? Вы же инвестор.

— Я уже получил своё. Гость доволен. Это поднимает репутацию академии.

— И вашу?

— И мою, — он посмотрел на меня долгим взглядом. — Айза, ты не ошибка системы. Ты — её лучшее блюдо.

Я покраснела, схватила монеты и выбежала.

В моечной Кайан всё ещё сидел на ящике.

— Ну как? — спросил он.

— Пять монет чаевых, — похвасталась я.

— Он тебя не поцеловал после такого мяса? — вдруг спросил Кайан.

— Кто?

— Декан. Я слышал, вы там почти целовались в прошлый раз.

— Это слухи.

— Слухи — это то, что я сам видел, — Кайан встал. — Айза, будь осторожна. Альтаир далеко не такой безобидный, как кажется.

— Он дракон, — ответила я. — Они все опасные. Даже коты.

— Я не просто кот, — возмутился Уголёк.

— Ты финансовый директор. Это опаснее мяса.

Кайан ушёл, но на пороге обернулся.

— Я не отступлю. Ни от тебя, ни от своего предложения. Даже если ты варишь только мясо.

— Наглый, — прокомментировал кот. — Но симпатичный. И ветчину не носит, правда. Но специи притащил. Дорогие. Засчитаем как аванс.

Вечером мы сварили суп для обычных клиентов. Выручка — двенадцать копеек. Плюс пять монет чаевых. Плюс старые накопления. Итого — почти тринадцать монет.

— Мы богаты? — спросила Нисса.

— Мы при деньгах, — ответил Уголёк. — Разница есть. Но скоро купим новую сковородку, лежанку для меня и импортную вяленую ветчину из королевского мясного магазина.

— А раньше ты хотел рыбу.

— Рыба — это прошлый век. Эволюция, Айза. У нас ИП, печать, а я заслуживаю лучшего. Теперь я — мясной кот.

Я засмеялась и легла спать, укрывая кота подолом.

Первое личное задание пройдено.

Декан сказал комплимент. Кайан ревнует. А кот перешёл на ветчину.

Завтра — новый день. Новые гости. Новые налоги.

Но мы справимся. И даже купим копчёного языка.

Глава 19. Кассандра за углом

Всё случилось через два дня после того, как мы обмыли пять монет чаевых и купили новую сковороду. Уголёк, правда, требовал вяленой ветчины, но я сказала: «Сначала лицензия, потом деликатесы». Кот обиделся, но быстро отошёл, когда Нисса принесла ему кусок сыра из отходов.

— Айза, — повариха влетела в моечную без стука, как обычно. — У тебя гости. Бывшая декан Кассандра устраивает званный ужин на верхней кухне. Декан Альтаир велел тебе помогать подавать блюда.

— Я не официантка, — возмутилась я.

— А кто ты? Обьедок, который умеет чихать. Иди, на тебя там очередь из важных морд. Если опозоришься — скормлю драконам. Лично.

Она ушла, оставив меня в состоянии тихой паники.

— Кассандра? — Уголёк вылез из-за пазухи, и его глаза стали красными — не фиолетовыми, а именно красными, как угли в костре. — Та самая, которая выбросила меня на помойку?

— Она самая, — кивнула Нисса. — Красавица, говорят.

— Красавица? — кот зашипел. — Она старуха с чёрной душой, которая накладывает маскировку, чтобы выглядеть моложе. Я видел её настоящую морду. Там без слез не взглянешь.

— Ты же говорил, что у кошек нет слёз.

— У меня есть. От отвращения.

Я принарядилась — насколько это возможно в робе объедка. Нисса одолжила мне чистую тряпку вместо пояса. Уголёк спрятался за пазуху с наказом: «Если я рыкну — значит, срочно уходим».

На верхней кухне былолюдно. Драконы в дорогих фартуках, несколько важных гостей в золотых очках, и в центре — женщина.

Высокая, стройная, с волосами цвета воронова крыла и глазами, которые смотрели сквозь тебя. На ней было платье, расшитое драконьей чешуёй. Она улыбалась — но улыбка не доходила до глаз.

Кассандра.

— Айза? — спросила она, заметив меня. — Та самая объедка, о которой Альтаир рассказывал?

— Допустим, — ответила я, стараясь не смотреть на её платье.

— Говорят, ты варишь магический суп. Покажи.

— Я не варила сегодня. Я подаю.

— Тогда подавай. И не разлей.

Я взяла поднос с тарелками. Уголёк за пазухой трясся, но молчал.

Суп был фирменным — из столичных продуктов, с мясом и овощами. Я разливала, драконы пробовали, кивали, что-то одобрительно мычали. Кассандра взяла ложку, поднесла

к губам, но не отпила — только понюхала.

— Обычный бульон, — сказала она. — Без магии. Ничего особенного.

— Зато без налогов, — вырвалось у меня.

Драконы засмеялись. Кассандра не оценила.

— Ты наглая, объедок. Но мне это нравится. Иди, принеси десерт.

Десерт был желе с фруктами. Я несла его осторожно, но на полпути споткнулась о драконью ногу (специально выставленную). Тарелка дрогнула, желе съехало.

— Осторожнее! — рявкнул кто-то.

Я выровняла поднос, но в голову пришла дикая идея.

— Уголёк, — шепнула я. — У тебя есть то самое слаби-тельное, которое ты нашёл в отходах?

— Есть. А зачем?

— Давай сюда.

Кот сунул мне маленький пузырёк. Я плеснула чуть-чуть в желе, перемешала пальцем.

На вкус не проверяла, но запах не изменился.

— Десерт, госпожа Кассандра, — я поставила тарелку.

Она взяла ложку, отправила в рот кусочек.

— Неплохо... — начала она, но вдруг её лицо исказилось.

Раздался звук. Громкий, раскатистый, похожий на драко-ний рык, только ниже тоном. Все замерли. Кассандра покрас-нела. Ещё раз — и ещё.

— Это что? — спросил какой-то гость.

— Аллергия, — выдавила Кассандра.

Но маскировка дала сбой. Платье вдруг стало висеть мешком, волосы поседели, кожа покрылась морщинами. Через минуту перед нами стояла не красавица — седая старуха с жёлтыми глазами и клюкой, на которую она опиралась.

— Ах ты, объедок! — закричала Кассандра.

— Я не специально, — соврала я. — Это желе. Может, испортилось.

— Ты пожалеешь! — она вылетела из кухни, гремя юбками.

Драконы переглядывались. Кто-то смеялся, кто-то был в шоке.

Альтаир подошёл ко мне, и в его глазах плясали искры — не злые, довольные.

— Молодец. Не ожидал.

— Я ничего не делала, — ответила я.

— Конечно, — он наклонился к уху и прошептал: — Слабительное было лишним? она и так бы лопнула.

— А вы откуда знаете?

— Угадал.

Он ушёл, оставив меня с подносом и чувством выполненного долга.

В моечной Нисса и Уголёк меня дожидались.

— Ну? — спросила Нисса.

— Кассандра пукнула, поседела и сбежала.

— Я же говорил, — сказал кот. — Она фальшивая как

драконьи налоги. И хвост у неё не настоящий.

— Откуда ты знаешь про хвост?

— Видел. Когда она маскировку потеряла, хвост у неё как крысиный.

— Ты философ, — вздохнула я.

— Я кот, который знает, где зарыта кость.

Вечер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.